

Анхель де Куатьэ

Книга Андрея

ДИТЯ С ЗЕРКАЛОМ

Часть вторая

Санкт-Петербург
Издательский Дом "Нева"
2005

Мудрость – двуликий Янус. Одно Её лицо – знание, другое – опыт. Пережить духовный кризис – это значит получить опыт Мудрости. Опыт, после которого смерть перестает быть смертью. Жизнь рождается заново, а душа обретает силу. Смерть во имя рождения. Опыт переоценки всех ценностей. Крушение кумиров, гибель богов, утилизация иллюзий... Мы уходим, чтобы вернуться. Мы возвращаемся, чтобы быть навсегда. Таков опыт духовного кризиса, таков опыт Духа. Опыт, без которого Мудрость – лишь игра отражений, лишь иллюзия смысла, лишь пустая забава, «ДИТЯ С ЗЕРКАЛОМ».

Свобода – это взгляд в лицо собственному страху!

«Я гонялся за солнечным зайчиком, за каким-то слабым отблеском, лучиком... Я, окружённый со всех сторон ярким солнечным светом! Бездной Света!»

ОГЛАВЛЕНИЕ

[Письмо Издателю от Анхеля де Куатьэ](#)

[Предисловие Анхеля де Куатьэ](#)

[Дитя с зеркалом](#)

[На блаженных островах](#)

[О сострадательных](#)

[О священниках](#)

[О добродетельных](#)

[О черни](#)

[О тарантулах](#)

[О прославленных мудрецах](#)

[Ночная песнь](#)

[Танцевальная песнь](#)

[Надгробная песнь](#)

[О самопреодолении](#)

[О возвышенных](#)

[О стране культуры](#)

[О непорочном познании](#)

[Об учёных](#)

[О поэтах](#)

[О великих событиях](#)

[Прорицатель](#)

[Об избавлении](#)

[О человеческой мудрости](#)

[Самый тихий час](#)

[Странник](#)

[О призраке и загадке](#)

[О блаженстве против воли](#)

[Перед восходом солнца](#)

ПИСЬМО ИЗДАТЕЛЮ ОТ АНХЕЛЯ ДЕ КУАТЬЭ

Уважаемый Издатель!

Однажды Вы уже опубликовали под моим именем Митин дневник – книгу о четвёртой Скрижали Завета. И я искренне благодарен Вам за эту работу, это действительно очень важно. Ведь в своём дневнике Митя рассказал нам о том, что он пережил, столкнувшись с самым тяжёлым в своей жизни испытанием. Он оказался перед выбором. Он должен был переступить через свой страх, через свой ужас – страх доверять, страх довериться. И разве же это не знакомо всем нам? Каждому человеку?

Да, все мы живём со страхом в душе. Это правда. Отрицать это – значит обманывать самих себя. Подчас мы боимся, даже не осознавая этого. Но способен ли испуганный человек доверять жизни?.. Можем ли мы доверять себе, если за нашими поступками стоит страх? Например, страх показаться плохим? Или страх выглядит глупым, каким-то «не таким»? И что наши принципы, обеты и клятвы, если и за ними прячется страх? Стоит только приглядеться, посмотреть глубже. И вот – он, наш. страх.

Я думаю, что люди, прочитавшие Митин дневник, поняли что-то очень важное о самих себе, о своей душе и о своём сердце. Я верю, что эта книга изменила их – хоть чуть-чуть. Сделала лучше, чище, мудрее.

И сейчас я снова обращаюсь к Вам с просьбой о публикации книги. Она не моя. Это книга Андрея. Того самого, что помог нам найти все семь Скрижалей Завета. Его слова придали нам сил и уверенности, когда мы только начали наши поиски. Именно благодаря Андрею Максим справился со своей болью. Андрей помог и Мите, и в поисках пятой Скрижали. Он – учитель Саши, без него бы она не открыла в себе Скрижаль. Он сам – хранитель Скрижали, седьмой. А вторая Скрижаль... Вторая Скрижаль была в его книге. Книге, которую перед самой своей смертью читал Илья.

«Каждый только хочет быть, но никто не является тем, что он есть», – эта цитата в «Возьми с собой плоть» из Книги Андрея. Андрей написал свою книгу словно бы специально для Ильи. Он написал её для человека, задыхающегося от ненависти к окружающему его миру. Для человека, который ненавидит мир, потому что в душе он ненавидит самого себя, и только себя.

Знакомое чувство, правда? Мы все ненавидим себя. Подсознательно. За то, что мы не такие, какими хотели бы быть. Мы понимаем, что на самом деле мы другие, что в нас есть Свет. Но мы же не являемся Светом! И мы ненавидим себя за это. И от этой ненависти в нас живёт страх, от этого боль, от этого – страдание сердца.

Публикация этой книги – мой долг перед Ильёй. Перед человеком, которого мы не смогли, не сумели спасти. Но даже если бы я и не чувствовал за собой этой ответственности, я бы всё равно просил Вас издать эту книгу. Книга Андрея проникнута мистической силой. Когда я прочел её, я понял, что передо мной не просто художественное произведение, не просто философский трактат. Передо мной – подстрочник мистического таинства, своеобразная стенограмма преображения духа.

У индейцев есть высшее таинство посвящения. Если перевести его название на русский язык, то получится абракадабра – «Истинная Смерть Возрождения». Но это не абракадабра. Так и есть. Чести пройти это посвящение удостоиваются только самые великие шаманы. И вот, читая Книгу Андрея, я понял, что в ней рассказывается именно об этом таинстве, об этом посвящении. Рассказывается в образах и символах понятных для человека русской ментальности – для русского сознания, для русской души. Иначе, лучше, точнее это вряд ли

можно было бы рассказать.

И сейчас я прошу Вас сделать Книгу Андрея достоянием многих людей. Дать им возможность соприкоснуться с этим знанием. Знанием, которое едино для всех народов и всех культур, но ставшее подлинно российским именно в этой книге.

Анхель де Куатьэ

ПРЕДИСЛОВИЕ АНХЕЛЯ ДЕ КУАТЬЭ ко второй части Книги Андрея «ДИТЯ С ЗЕРКАЛОМ»

Вторая часть Книги Андрея называется «Дитя с зеркалом». В ней символически отображен второй этап обряда великого посвящения индейских шаманов – «Истинная Смерть Воскрешения».

Шаман уже прикоснулся к истинному знанию и встретился со своим Двойником, со своим ангелом-хранителем. И это не просто встреча, это мистическое соприкосновение двух миров – здешнего, реального и потустороннего. Но это только начало...

Шаман искушён знанием. Ему кажется, что он постиг суть вещей, познал сокровенные тайны бытия. Он чувствует, что ему дана сила, которой нет у других смертных. И в эту секунду шаман теряет своего Двойника. Первый этап посвящения закончен.

До сих пор Двойник был проводником и попутчиком шамана. Двойник открывал ему тайны мироздания и вёл по священному берегу истины. Шаман увидел Тот мир. Но в силах ли он жить с этим знанием? Способен ли он в одиночку нести эту ношу?..

Всё, теперь у шамана нет его заступника в потустороннем мире, его Двойника. Шаман обменял покровительство на драгоценное знание. Но это знание – не волшебная палочка. Оно не может изменить мир. Оно принадлежит шаману, и это он должен будет меняться.

Только теперь шаман понимает, знание – это бремя. А обладать знанием – это значит меняться или умереть. Но измениться – это, ведь тоже, в каком-то смысле, смерть...

Анхель де Куатьэ

«Видишь ты эту крепостную стену? Видишь, гордые и своенравные валуны сбиты в ней в безликую гладь? Но почему не рассыплются они, почему не разойдутся? Ты скажешь: их держит раствор? Неправда! Тесня друг друга и упираясь, сцепившись, раздавливая и опершись на грани соседа, друг друга удерживают они в несвободе! Стена нерушима, лишь потому, что камни сами сдавили друг друга! Не видать освободителю свободы, ведь имя стене – круговая порука!»

*Так говорил Заратустра, но не о камнях, а о людях,
но об этом умолчал Заратустра*

ДИТЯ С ЗЕРКАЛОМ

Испытание на самодостаточность... Один... «Дневник канатного плясуна»... О чём теперь писать?

Наверное, мне обидно. Да, мне обидно.

Это из детства. Всегда этого хотелось, этого очень хочется, это нужно: кто-то должен быть рядом. Не кто-то, а тот, именно тот, с кем вечность кажется сиюминутной, настоящей, свершившейся, сложившейся в одно мгновение «сейчас». Думал ли я в своём детстве, что это будет странный перс с загадочным именем – Заратустра? Нет. Мне не хватает его.

Человек не может быть один и должен.

Избавиться от желаний, они говорят, что надо избавиться от желаний. А зачем тогда жить?

Не зависеть от желаний... Хорошо, но разве не значит это – не желать?

Здесь что-то другое.

Он ушёл – значит, хотел. Его желание свято – он Другой, и он дорог. И что теперь?

Этого никогда не будет... Всё временно, наверное, это нужно принять. Радоваться, пока это есть, и не печалиться, когда этого не будет. Всё приходит, и всё уходит – черед перемен. Это и есть жизнь?

Что-то не так.

Проблема не в том, что меня одолевает желание, желания. Проблема в том, что я в действительности не знаю чего хочу. Предположим: звонок в дверь (он ведь оставил ключи), и входит Зар.

«Привет!»

«Привет!»

«Как дела?»

«Нормально».

«А ты?»

«Хорошо».

«Ты вернулся?»

«Как видишь».

«А чего?»

Вот, хороший вопрос! – главное, сам выпал: и чего, собственно говоря, ты вернулся? Это надо же! Обида? Или правда: неизвестно зачем. Чего мы хотим на самом деле?..

Кажется, что мы хотим чего-то, что не только невозможно, а чего нет даже в желании.

Хочется танцевать: буйно, неумно, безумно!

Не хочется. Всё тщетно.

Пора спать. Сон – апогей одиночества. Пусть будет сон...

Мне приснился сон, хотя сны мне почти не снятся. Мне снилось.

Маленький мальчик, кудрявый как ангелочек, с большими голубыми глазами, шустрый, весёлый, смеющийся, подошёл ко мне и показал зеркальце. Он словно хвастался им, как умеют хвастаться любимой игрушкой маленькие дети. Он покрутился вокруг меня, а потом побежал прочь, взобрался на гору, поймал зеркальцем и направил на меня солнечный зайчик. Свет на мгновение ослепил меня и тотчас скользнул дальше. Не знаю почему, но в этот миг мне отчаянно захотелось во что бы то ни стало поймать это солнечное отражение, и я побежал. Казалось, я обезумел! В костюме и при галстуке, как оголтелый я гонялся по бескрайнему изумрудно-зелёному полю моего сна и ловил этот то падающий на меня, то вновь ускользающий солнечный зайчик.

Мальчик смеялся. Он смеялся весело, задорно, заливался, как маленький колокольчик. Были моменты, когда и я отвечал ему тем же – в короткие секунды моего обладания светом, – но счастье моё было мимолётным. Через какое-то мгновение пятнышко света срывалось с места и вновь покидало меня, а я, не успев перевести дыхание, снова бросался за своей добычей.

В этом сне были безысходность, отчаяние – болезненное, дикое. Я бежал, выбивался из сил, задыхался, падал, закусывал губу, вставал и снова бежал. Я ловил, но не обретал, я гнался и не находил.

Подумать только, я гонялся за каким-то слабым отблеском, за лучиком, зайчиком, я, окружённый со всех сторон ярким солнечным светом! Бездной света!

Безумие, которому я оказался не в силах противостоять, открылось мне внезапно, с окончанием игры: нужно остановиться. Поздно, игра закончена.

Я уже не спал, но ещё и не проснулся полностью. В моей голове сверкали, подобно вспышкам, слова Заратустры: «Нет смерти в смерти, смерть только в жизни – смерть», «Ваше желание – это свет, но вы не знаете своего хочу», «Суета мелочна», «Возможность есть», «Танец больше, чем жизнь», «Целомудрие – это близость», «Сердце эгоиста полно», «Радуйся движению», «Не бойтесь смерти, страшась, вы уже мертвы», «У вас одна жизнь», «Хочешь – действуй», «Внешнее иллюзорно», «Все ценности уже есть», «Мир создан для Двух»...

Слова... Много солнечных зайчиков. Зачем мы обмениваемся словами, этими коронованными пустотами? Что мы хотим донести другому своим нескончаемым говорением? Мысль, учение, мнение? Святая наивность!

«Моё учение в опасности», – как смешна эта фраза! С равным волнением можно, вскинув руки, театрально воскликнуть: «Взгляните, какой ужас – крот ослеп!» Комично.

Мы обмениваемся словами, а мысль остаётся внутри – невысказанной, неразъяснённой, неясной. Неизбежного не избежать, а невозможное невозможно. Надо ощутить, надо стать, надо быть, причём самому.

Слово – это только пусковое звено, и запускает оно лишь тот процесс, который уже есть, который уже готов, который уже созрел и даже идёт своим чередом, но пока ещё слишком медленно, слишком вяло, скрыто, чтобы мы могли его заметить.

И это *другой* процесс Другого, слово – лишь эстафетная палочка, лишь символ. Здесь нет со-общения, здесь только условность.

Слово никогда не сравнится с опытом. Кто не знает, что ощущать самого Себя – счастье, тому не объяснишь этого словами, не расскажешь, не покажешь на пальцах. Счастливый несчастному не товарищ...

Мысль – это лишь слабое течение в бесконечном пространстве одиночества, одинокий Гольфстрим в холодном, бескрайнем арктическом океане. Зачем мы говорим внутри собственного холода?

Разговор – это способ получить удовольствие, это не близость, это только суррогат близости, ибо нет близости на словах и в словах её тоже нет, она затерялась между слов, она затерялась.

«Новая речь» – это лишь новая форма в прежнем жанре. Содержание, поскольку нельзя его передать, даже более пусто, чем голая форма. Слова не позволяют переступить грань одиночества.

Разговор – это способ развлечься, это возможность развлечь. Иногда эта возможность блаженна, иногда мучительна. Избежать мучительности разговора – вот задача чуткого, и для этого он просто не должен ставить перед собой цели донести в разговоре мысль.

Зачем, скажите на милость, заранее обрекать себя на разочарование? Но как всё-таки хочется понять и быть понятым! Как хочется говорить с Другим! Как ни хотеть соприкоснуться с Ним своей мыслью? Передать ему самое дорогое из того, что кажется тебе дорогим... Но ведь Другой всё равно не примет твоего дара, он ведь Другой.

Допустить, что твоя мысль может быть принята другим так, как её понимаешь ты, значит отказать другому в праве быть Другим, значит отказать себе в радости ощущать Другого. Таким образом, называющий себя влюблённым уничтожает своей псевдолюбовью возлюбленного – вот в чём вся чудовищность этой мистификации!

Между Сциллой и Харибдой смерть неизбежна. Так, может, не плыть? «Нет любви, есть лишь контакт», – так говорил Заратустра. Это ли он имел в виду?

Как идти навстречу, если не знаешь направления? Если слова – лишь миражи, что же тогда укажет мне путь? Может быть, мне не нужно никуда идти?

Разве движение не есть иллюзия?

Буря, буря, буря... Молнии, сверкающие молнии, гром.

Я в пустоте. Странное дело, я уже не хочу говорить. Я не хочу даже слушать.

Заратустра всё сделал правильно: мне нужно, чтобы он уехал. Нельзя потерять то, чем не обладал.

Нужно остановиться, перестать искать. Всё уже есть. Оглядеться, мне нужно оглядеться. Стоп.

Минула неделя. Я хожу на работу, смотрю на людей. Самое загадочное – это благодарность. Всякий раз удивляюсь, когда меня благодарят за помощь. Чем я помог? Разве что остановиться. Может быть...

От Зара стали приходить письма. Вот они...

Привет! Не ожидал? Наверное, тем более приятно, правда?

Меня занесло на Соловецкие острова: блаженное место, доложу тебе! И как хорош северный ветер, что обнимает здесь скалы! Как красна здесь рябина! Ягоды сочные, кисло-сладкие. Ими питаются птицы, весело щебеча, но люди не знают, как хороши плоды рябины. Что ж удивляются они неспособности своей летать? Странное дело!

Мир вокруг нас полон, но кто замечает его исполненность? Кто поистине дорожит тем, что имеет? Странно, что не знаете вы слова «довольно», а ведь единственное, чего недостаёт человеку, чтобы быть Человеком, – это слова «довольно»!

Ты уже думаешь о Боге? Если нет, то ещё не так плохо тебе, как ты думаешь. Так заключаю я, ибо здесь, на блаженных островах этих, повстречал я людей в чёрном, которые разъяснили мне, что есть этот ваш Бог.

В одиночестве, в болезни, в печали и разочаровании принято у вас думать о Боге – вот что я понял из слов их.

Долго слушал я речи чёрных людей этих. Думали они, что проповедуют мне Бога своего, но говорили они о себе, восторгающиеся своими чувствами. И вот, что ответил я им на слова их: «Бог ваш – соломинка ломкая, а не радость. Создали вы Бога вашего из страданий ваших: Бог ваш страдает, и вам заповедует Он страдать. Монстра, но не Бога придумали вы себе. Да и разве можно выдумать Бога? Разве лист родит дерево, а не дерево лист? Не можете вы выдумать Бога, вы или знаете Его, или нет. Но можете ли вы знать, не выдумывая?

О чём же думаете вы, когда думаете о Боге, если *не можете* вы думать о Нём? Зачем хвалитесь вы познанием своим Бога вашего, если в познании собственных заблуждений только и преуспели вы?

Это вы, выдумщики и гордецы, создали Бога вашего по образу и подобию своему, а не Он вас! И клеветаете вы на Отца вашего, ибо не созидает Бог, но создается! В силах ли вы понять это? И в силах ли вы понять, что значит понять это?

Бога своего приспособили вы весами быть вашими. Верх и низ исчисляете вы от Бога, словно бы Он точка на плоскости или линейка на парте у школьника. Время отсчитываете вы Богом, будто Он часовая стрелка, часовой механизм или часовщик. Добро и зло не измерить вам, если бы не гирька под названием «Бог». За что ж так не любите вы себя, что даже Бога вашего готовы разменять вы на медяки?

Зачем хотите вылущить вы Бога вашего? Разве не ясно вам, что нельзя выделить всё из всего? Не может Он быть неизменным, ибо вы сами меняетесь, не может Он быть проходящим, ибо нельзя прийти в себя самого, и не может созидать то, что само создается, а Он – то, что создается!»

Так говорил я с чёрными людьми, что живут на блаженных островах этих. Но сердились они на меня, и ещё пуще сердились они, когда сказал я: «Быть человеком – значит быть эгоистом!» «Слово моё – "эгоист" – коробит слух ваш, но что поделать! – так говорил я с этими людьми чёрными, смеясь, как дети смеются. – Думаете вы, что зазорно быть эгоистом?

Вот мне, право, смешно глядеть на ваши мысли худые: они подобны кротам, что суетливо ползают по озарённой солнцем поляне и стучаются друг о друга своими покатыми лбами! Тише, так перебьёте вы свой любимый фарфор! Как вы будете потом кушать?!

Когда перестанете выделять вы Бога вашего из Него самого, то увидите: всё, что делаете вы, вы делаете для себя; и хорошее, и дурное – это ваше! И разве же будет эгоист делать себе дурное? Нет! А потому не будет он делать дурного! Но в силах ли понять вы: вы и есть то создающее, что создается, созидая?

Вы ведь сами себе и молитесь в молитвах ваших. Вот, право, смешно! Вы и есть эгоисты, причём именно те, которых осуждаете вы, но не те совсем, о которых говорю вам я!

Ещё вы и самих Себя уничижаете в молитвах ваших! Зачем?! Вы – жизнь и сила её, но клеветаете на самих Себя! Вы – то, что созидает, но вы себя осуждаете. Осуждаете вы себя за созидание?! Представляю же я, что насозидаете вы!

Когда ж научитесь ценить вы в себе создающего? Бог создается созиданием вашим, вы же халтурите! Нечего сказать, хорошую служите вы Ему службу рабским своим бездействием!

И кого, не могу я понять, благодарите вы за обед свой? Кого благодарите вы за дела свои

и за конец страданий ваших, что увенчаны смертью? Странное имя вы придумали для этого "нечто" – "Аминь"!

Жизнь ваша – созидание, но, видно, не можете вы понять этого, иначе кто бы из вас делал глупости? Кто бы из вас сокрушался тогда и разочаровывался? Кто бы из вас ждал и надеялся? Кто бы боялся и кто суетился? Нет, не понять вам, как велико звание эгоиста!».

И тогда хотели они побить камнями меня, представляешь! Воистину, Бог их – страдание! Но один из чёрных людей остановил, вдруг соплеменников и так говорил мне:

«Неправильно понимаете вы "волю", ибо всё в руках Господа нашего! Нет своей воли у человека, но есть лишь воля Господа нашего в мире этом!»

И тогда я спросил его: «Зачем же отмаливаете вы грехи свои, если сами ничего вы не делали, но Господь ваш сам всё делал за вас?» И ушли они в ответ на вопрос мой, и я был рад, ибо стало светлее.

«Воля – и есть сам эгоист», – вот что скажу я тебе, друг мой. И если не эгоист ты, то всё, что делаешь ты, ты делаешь не по воле твоей, которая хочет хорошего, ибо делает для себя, а из страха.

Постыдна воля, что вершит себя из страха наказания, из страха порядка установленные нарушить, из страха нелепым казаться, из страха схлопотать осуждение от зевак сердобольных, из страха недостаточно оказаться хорошим, из страха выглядеть некрасивым, из страха не понравиться самому себе, наконец!

Эгоист же страха не знает, ведь ощущает он созидание! Созидающим созидание ощущает себя эгоист: с радостью он рождается и с радостью умирает, с радостью он рождает и не ропщет, испытывая боли роженицы. Разве же можно, рождая, сетовать?

Что эгоисту бедность? Что болезнь ему? Что ему смерть? Что воля для него? Что дарение? Всё это – жизнь... И он радуется! Но отчего люди эти, что ходят в чёрном и как ночь черны, гордятся бедностью и болезнями, почитанием смерти и пассивностью? Разве голодный Бог лучше сытого?..

Не делает эгоист культа из созидания. Как всё может быть культом? Тем более не делает он из разрушения культа, подобно людям, что черны и чернотой своею гордятся! Вот тоже глупость!

Делает эгоист то, что делает, ибо не может не делать, а не может – не делает, ибо жизнь не терпит насилия. А страх, страх – это глупость! Делать из страха, значит делать глупость. Вот что скажу я тебе! Но прежде, чем следовать судьбе эгоиста, надобно быть эгоистом! А это значит ощутить себя созидающим...

Ты ведь не думаешь о Боге, Андрей, правда? Ты всё ещё хочешь быть эгоистом?..

Твой Заратустра.

О СОСТРАДАТЕЛЬНЫХ

Нью-Йорк

Привет тебе из города, в котором нет человека!

Статуя Свободы приветствует приезжающих в город этот. Зачем же едут они сюда, если не для того, чтоб потеряться меж зданий? Разве так только и может человек почувствовать себя свободным?

Затеряться в толпе, что сама затерялась меж небоскрёбов, – чем не счастье для стыдливого, чем не спасение для страшщегося? Что такое стыд, если не страх? Странно ли, что все вы стыдливы?

Слушаю я речи людей: откровенность для них – говорить с другим о любви своей. Но не с любимым, а с третьим говорят они. Не могут они говорить о любви с любимым, ибо глупостью отдаёт разговор их, и сами они чувствуют это. И потому говорят они с третьим, третий поймёт их, ибо сам пребывает он в заблуждении, которое зовётся у вас любовью.

И так сострадают они друг другу и в сострадании этом радуются, радуются страданию

своему. Вот почему думаю я, что сострадание – это глупость, ибо кто страданию радуется, тот радоваться не может радости ни своей, ни чужой, а это глупо.

Так я смотрел и слушал, и вывел я формулу любви этой. Любят у вас не человека, но идеал, который у каждого свой и толику которого нашли влюблённые у того, кого «любят», точнее – любить пытаются.

Если же любил ты в детстве подарки, то думал ты: тот, кто дарит подарки – тот любит, и того ты любил, ибо любил ты подарки. Теперь вырос ты и тех любишь, кто дарит тебе подарки. И так во всём!

Тело твоё, разум твой и чувства твои – все они ждут чего-то и в вечном ожидании пребывают. И полюбишь того ты, кто отвечать будет всем твоим ожиданиям. А потому любовь ваша – это удовлетворённые ожидания. Тривиально? Очень.

Но никто всем ожиданиям вашим не может соответствовать, и потому всегда вы страдать будете и приучитесь наслаждаться страданием вашим, ибо сулит оно вам то, что дать вам не в силах. Что же тогда сострадание ваше, если не глупость?

Но разве можно препятствовать человеку, пусть даже желает он глупость, но желает искренне? И вот что решил я: зачем множить страдание? – Глупости и без него довольно. Пусть уж лучше будет у вас радость в глупости, чем страдание в глупости!

И тогда повстречал я в городе этом интересного человека – мозг его как компьютер, и сам он заведует машинами этими. И рассказал и ему формулу эту, и захотел он купить её для компании своей, чтобы сделать своим покупателям «программу счастья».

Теперь каждый может надеть на тело своё прищепки и наклейки разнообразные, с компьютером связанные, и будет он грезить, наслаждаясь любовью своею, ибо программа эта ответит всем его ожиданиям!

Странно, что столь немного нужно для счастья вашего: пусть иллюзия только станет реальностью, и вы довольны уже! Отвергнута вами жизнь, и наслаждаетесь вы самодовольством смерти!

«Не бывает мыслей мелких, бывают лишь мелкие жизни», – так говорит Заратустра. Мелкая жизнь и есть страдание ваше, и большое страдание! Но зачем же, скажите мне, сострадать мелкой жизни?

Что толку в том, что потакаем мы страданию друга нашего? Что толку, что пьём с ним чашу его заблуждений? Не в сострадании нашем нуждается он, но в жизни нашей. Быть для друга своего жизнью – вот признак подлинной дружбы!

Но не разорвёт один оболочки стальной страдания человека другого, пока сам не захочет тот выйти из тюрьмы своей, своего безумия. Смешны мне крестовые ваши походы, когда силой вы к любви принуждаете, да и сами любите через силу!

Можете вы розу развязать, но как заставить её самой распуститься? Но вы и камень овальный за бутон цветка принимаете, так и бьётесь теперь камнем о камень. Что ж, будет вам крошка!

Не сострадания вашего, но готовности вашей – вот чего ожидает от вас человек другой, если погран им страх его. Но много ли среди вас бесстрашных? Я ж среди вас только безрассудных и видел!

«Не жалеете ни себя, ни других, и другим не позволяйте себя жалеть! Жалость – вот они, поминки жизни вашей.

Но кто ж оплакивает неумершего? Только безумный глупец, верно, да тот, кто намеревается стать убийцей! Да уж, задали гробовщикам вы работы!

Но зачем же вы убиваете жизнь свою, она же одна у вас? Обидно очнуться в гробу заколоченном! Очнитесь же прежде и не медлите!

Отриньте страдание ваше: пусть станет это последним страданием вашим! Избавьтесь же от иллюзии любви, освободитесь от пут её для счастья взаимности!

И не создавайте другого по образу и подобию ожиданий ваших, но умеете видеть Другого в нём, ибо Другой – свидетельство жизни вашей!

Есть ли большее у вас, чем жизнь ваша? Разве же возможно большее? Что ж не радуетесь вы большому, но ищите улады своей в пустом?

Может быть, затерялись вы среди небоскрёбов стыда вашего? Озритесь же – горизонт не

граница, но двери! И все, счастье взаимности знающие, – мягки!».

Так говорил я к людям в этом городе небоскрёбов, но не слышали они слов моих, ибо надели уже на члены свои прищепки и накладки разные, к компьютеру подключённые, и получили они то счастье, на которое были способны.

Лучше уж радость в глупости, чем страдание с ней, ибо у каждого из нас жизнь одна!

Ты всё ещё ждёшь меня, друг мой, или купил уже «программу счастья» по моей формуле?

Твой Заратустра

О СВЯЩЕННИКАХ

Ватикан

Привет тебе, другой мой, из города, где даже дороги черны!

Узнал я в городе этом, что речи влюблённого не так пусты, как речи верующего. А там где подлинно пусто – там черно, оттого, наверное, даже дороги черны в городе этом.

Стыд милее мне чистого страха – вот что и понял здесь. И если влюблённый хотя бы стыдится глупости своей, не понимая её, то верующий даже не стыдится собственной глупости, а лишь ищет предлоги ей.

Отчего, говорит верующий, отчего не молчит он? Верно, страх смерти заставляет его говорить. Но бояться смерти нельзя, ибо нельзя бояться того, чего нет. А кто её видел? Потому заключаю я, что речи верующих ещё и безумны.

О чём говорит верующий? Говорит он о том, чего не знает. Может ли он не лгать, коли так? Благо, если бы молчал он, отвечал отрицательно, говорил двусмысленно, но нет, он утверждает! Потому заключаю я, что он ещё и лжесвидетельствует. Но вот задумался я, блуждая по чёрным дорогам города этого: оправдывает ли страх верующего ложь его? Быть может, меньше так он будет страдать? Пусть уж лучше он заблуждается, чем страдает, если другое ему неведомо!

И тогда встретился я со стариком, что руководит всеми гражданами города этого и филиалов его. И рассказал я старику этому с белёсыми глазами о том, что есть жизнь после смерти и что я видел её. И рассказал я подробно, указывая всё, что тот надеялся от меня услышать.

И ликовал старик этот, словно дитя малолетнее красочному подарку, и собрал он целую площадь паствы своей, и закрыли тела их мостовой чёрный булыжник, и возвестил он им с балкона своего благою весть: есть, мол, жизнь вечная!

И ликовала площадь, и ликовали кардиналы его в красных рясах, и плакали женщины, и плакали мужчины слезами счастья, и дети их, испугавшись, тоже плакали. И пели все они вместе псалмы, и восславляли Господа своего, и целовались бесчувственно, так словно праздновали они свадьбу одновременно и похороны!

Когда же смотрел я на слёзы их, то думал, что не столько верующие боятся смерти, сколько возможности ошибиться в предмете веры своей. И оттого настойчиво так ищут они доказательств, и оттого так, всему верят они, что говорят им!

Вот путь, каким иллюзия жизнь погубить может страхом, – свой обман обнаружив. Оттого-то и шли они на костры жаркие, оттого истязали себя плетью острыми, оттого морили они себя голодом – чтобы страхом боли своей доказать себе, что нечего им бояться!

И тогда думалось мне, какая разница, есть ли жизнь после смерти или же нет её, если эту жизнь, эту единственную, ту, что подлинно есть, страдал и мучился человек?

Теперь же верующие эти обрели иллюзиям своим подтверждение, избавились от бремени страха и радовались как дети, только дети их были испуганы, ибо никогда не видели они родителей своих счастливыми.

И подумав так, и слёзы детей увидев, я сказал старику этому и пастве его: «Я солгал вам, когда говорил, что есть жизнь вечная!» Знаешь ли ты, что ответили они мне? «Так верно, это и не ты говорил», – сказал мне, вперёд выступив, старик с глазами белёсыми. «Но кто тогда?» –

спросил я его. «Он!» – вскричал старик этот и указал на распятого.

И снова плакали они все, обливаясь слезами восторга и топя в них страх свой! Так открылось мне безумие их и глупое лжесвидетельство!

Не хотят люди созидать – вот что понял я в городе этом, где даже дороги черны. А хотят люди, чтобы всё само соиздалось, и бездействие их было оправдано.

Смерть для них – это лишь избавление от необходимости симулировать свои деяния. Не от труда каждодневного, но даже от маскарада своего устали они!

Не из страха потому, а из жажды по самой смерти так много говорят они о царствии небесном! Что ж расстраиваться, когда умирают мёртвые?

Жив ли ты ещё, друг мой? Или же и для тебя пора мне выдумывать басню?

Твой Заратустра

О ДОБРОДЕТЕЛЬНЫХ

Брюссель

Привет, друг мой! Пишу я тебе из города славного, где даже капуста мельчает!

У добродетели выросли борода, копыта и пара рогов, так что даже капуста, испугавшись одеяния её, обмельчала. Что же делать человеку гам, где капуста и та прячется от повадившихся в чужой огород?

Хоть и смешна добродетель мне, да не больно она радуется, ибо подобна она слепцу-сладогостнику, что принял изгибы гитары за овалы женского тела.

Грешно потешаться над слепцом, пусть бы даже тысячу раз он был сладогостником! Сначала верните ему зрение, а потом смейтесь! Но в силах ли вы вернуть зрение добродетели, ею утраченное?

Добродетель ваша слепа, что же требуете от неё им, как от зрячей? Слепой соглядатай – не соглядатай вовсе. Чего же вы спрашиваете у него, что он видел? Он видит тьму, такова, впрочем, и добродетель ваша, замешанная на страхе и на незнании слова «довольно»!

Странную же цель поставили перед собой собравшиеся в этом городе мудрецы с эполетами! Установить в мире порядок, – цель столь же недостижимая, сколь и глупая.

Как можно установить нечто в том, что есть само по себе вечное становление, для которого даже крушение лишь один из этапов? Можно повлиять на становление, но как же его остановишь? Легче уж солнце заставить не светить больше!

«Каких только не видел я добродетелей, но добродетель Порядка – самая непорядочная из всех! Ибо не знаете вы другого порядка, кроме того, что сами себе придумали, так и живите же с ним и не суйтесь куда, не следует! Что такое добродетель ваша, как не утверждение собственной правоты вашей? Но кто же считает себя неправым? Пусть он сам покажет на себя пальцем! Нет таких, все молчат и пальцы прячут в дырявых карманах!

И молчат они потому, что каждый себя считает истинно добродетельным, а другого недостаточно добродетельным или же недобродетельным вовсе. Как же договориться вам? Тот и оно, что не хотите вы договариваться и не будете. Не для того собрались! И добродетель ваша слепая для ушей предназначена вами, а не для глаз. Пыль пускаете вы теперь в уши!

Лилейные песни поёт добродетель ваша, и всякий раз меняет она тембр свой на тот, который хотят уши длинные слышать упрямец добродетельных!

И потому добродетель ваша – лишь музыка сопровождения, лишь манёвр обходной, а защищает она то единственное, что зовётся у вас гулким словом: «Ещё!»

Но скажите мне, если воцарится одна добродетель из многих, то не придётся ли вам поступиться и вашей? Помните, что чем выше поднимаетесь в гору вы, тем меньше людей может на ней уместиться. Придёт время, и будете вы время коротать в одиночестве полном – тот, кто выживет!

Когда же кричите вы о благе для всех, то пугаюсь я крика вашего. Как знаете вы о моём благе? Кто сказал вам, что есть для меня благо? Когда бы были вы эгоистами, не сказали бы,

что знаете благо моё, ибо было бы вам известно, что не знаю я вашего. И это была бы правда, и мы могли бы договориться!

Но почему не говорите вы так? А всё потому, что плевать вам на благо моё, ибо для вас существует лишь ваше! Так знайте же, что не существует блага самого по себе: сколько бы хищник не прятал зубы – придётся ему обнажить их. И тогда рухнет всё здание хвалёное добродетели вашей, но не с тем рухнет оно, чтобы освободить вас, а с тем, чтобы погубить нас всех!

Крепитесь же, осталось недолго! Но когда погибнет всё от того, от чего не ожидали вы, тогда поймёте вы, добродетельные, что делили вы то, что не принадлежало вам! Но будет поздно: думали вы защитить себя от пожара, а случилось у вас наводнение. Запаслись вы водой, да не запаслись спасательным кругом!»

Так говорил я в здании огромном, где крест символизирует землю круглую. Так земля несёт крест свой, когда другие носят погоны, а капуста мельчает тем временем. И хоть с виду похожа она на мозговые извилины, извилин мозговых не нашёл я здесь, ибо была мне ответом новая глупость: «Есть у нас и подводные лодки!» – так отвечали мне повадившиеся в чужой огород.

Нельзя искать то, что случится, ибо всё в свой черёд само о себе заявит. Но ощутить нужду настоящего и сказать самому Себе: «Довольно!» – вот, что следует эгоисту сделать. Только бы уметь быть эгоистом!

Ты всё ещё ищешь или понял уже, что добродетель – лишь одинокая тень безумия? «Жизнь одна», – так, если помнишь ты, говорил друг твой – Заратустра, теперь многократно убедился он в этом.

А если бы и была у тебя вторая жизнь, то знай, что всё равно нет у тебя на неё времени, ибо даже капуста стала мельчать, скоро рогатым и вовсе нечего будет есть!

Твой Заратустра

О ЧЕРНИ

Тибет

Привет, друг дорогой, шлёт тебе Заратустра из места одинокого, где даже горы кажутся одинокими!

Ну и странных же людей повстречал я здесь: жизнь свою они превратили в покой, ибо так готовятся они к смерти, которая больше для них, чем жизнь. Странно ли, что и горы кажутся здесь одинокими?

Ходят они как тени, эти жёлтые люди, говорят они тише листвы пожухшей, улыбаются только губами и шаркают по скалистым склонам протёртыми своими сандалиями.

Сначала мне понравилось среди них, но потом ощутил я, что и сам уподобляюсь я тени. «Но тени чего?!» – спросил я себя. И не было мне ответа, и только странные люди улыбались мне тонкими расщелинами своих глаз, шепча, подобно листве пожухшей, загадочные слова, которые я не в силах был разобрать.

Говорили они мне о черни, говорили тихо, говорили застенчиво. Чернь – это люди, которые умирают, но рождаются в скором времени снова. Они же, эти странные люди, что шаркают по склонам в протёртых сандалиях, люди эти, среди которых и горы кажутся одинокими, решили умереть насовсем.

И тогда увидел я, что они уже умерли! Среди теней находился я, и сам чуть было не стал я тенью. Отчего же зовут они черню тех, кто не стал ещё тенью, а себя – нет, хотя сами они – тени, а тени черны! Кем ещё быть теньям, если не черню?

И тогда разъяснили мне странные люди эти, что есть чернь. «Чернь – это созидающие», – так думают эти жёлтые люди в протёртых сандалиях, что живут среди гор, которые кажутся оттого одинокими.

«Но что же жизнь тогда, если не созидание?» – спросил я людей этих, глядя в узкие

расщелины их неморгающих глаз.

«Жизнь – это страдание, и она иллюзорна», – ответили мне тонкие губы их.

«Но что же реально тогда, если не жизнь?» – снова спросил я людей этих странных.

«Реальное непостижимо», – ответили они, улыбнувшись пустыми глазами, и стали вовсе безгласны.

Умереть в жизни – вот оно высшее благо для тех, кто не считает себя чернью, но чёрен, как тень.

«Зачем же ушли вы в горы? Там, внизу, полным-полно таких, как и вы, и даже "лучше" вас, ибо они уже умерли!» – так говорил я с тенями, чьи глаза никогда не смыкались, кроме как для временной смерти. Но не было мне ответа.

И тогда спустился я с гор и повстречал людей там, что и вправду чернью себя считали. Они рассказывали мне, что жили прежде и будут жить впредь.

А я спросил их – откуда знают они это, и они ответили мне, указуя на горы: «Там живут те, кто знает тайну сию лучше нас! Они говорят!»

«Так вы можете ничего не делать, раз всё и без вас продолжается?» – спросил я тех, кто именовал себя чернью.

«Ничего не делать – то признак мудрости, мы же чернь, нам не дано!» – так отвечали мне люди, которые называют себя чернью и живут подле гор, которые показались мне от слов этих ещё более одинокими.

Дано человеку жить, но одни полагают, что это бессмысленно, другие – что неизбежно. Да, трудно кого-то из них назвать человеком, они больше похожи на чернь!

Эгоист светится, сами Собою Других освещая, но не было таких в месте этом, где даже горы кажутся одинокими! Воистину, холодный ветер дует нам с юга!

Одинок ли ты, друг мой милый, или ты светел?

Твой Заратустра

О ТАРАНТУЛАХ

Оксфорд

Здравствуй, друг мой! Пишу тебе из города, где даже овцам запрещено умирать, – так боятся за жизнь свою люди в местечке этом!

Странный город посетил я: здесь всякий норовит натянуть на себя шёлковую мантию, покрыть голову четырёхугольной шляпой, что увенчана кисточкой, и сказать вслед за этим: «Мир – это лаборатория!»

В городе этом показали мне овцу, что не умерла, но обрела жизнь вечную. И увидел я, что не овца это, а копия копии. Но говорили мне люди с кисточками: «Это та овца, только вторая такая же!»

И дивился я словам их: ибо не ясно мне, «та» или «такая же». Но не слушали меня лаборанты жизни и говорили мне: «Что ты путаешь нас, Заратустра! Разве не видишь ты, что победили мы смерть?!» И я смеялся в ответ им, рассказывая притчу о тарантуле:

«Было на свете две справедливости, но одна глуха была, а другая слепа. И пошли кумушки и гости к тарантулу.

Но слепая справедливость ямы тарантула не разглядела и потревожила сон его. Он же, проснувшись, зол был, ибо несправедливо будить того, кто не хочет вставать по собственной воле, и укусил тарантул слепую справедливость, запустив ей под кожу едкого яда из своего жала. И стала слепая справедливость извиваться, словно паяц на ярмарке, и лицо её искажено было предсмертными судорогами.

Но глухая справедливость не слышала ужасного крика слепой подруги своей и приняла судороги лицевых мышц её за улыбку, а пляску агонии – за радость танцующего тарантеллу. И решила она тогда тоже приласкать рукою тарантула, ибо чудилась несправедливость ей в том, что сестра её радуется, а она – нет.

Ещё пуще прежнего рассердился тарантул: «Что ж она – зрячая, а не видит того, что я зол!» – и укусил глухую справедливость прямо в палец, протянутый ею для ласки. Справедливость восторжествовала!

И теперь ответьте мне, друзья мои, справедлив ли тарантул?»

Жизнь – вот высшая справедливость, и нет другой. Остальные глухи, слепы и злы по сравнению с ней, а потому – глупы и безумны. Кто решился обмануть жизнь, самого себя обманет он прежде всего.

Смерть для жизни – повод родиться заново! Что же лишаете вы жизнь радости её рождения? Вечное – скучно, и лишь конечное живо, ибо ценит дарованное. Неужели же жизнь свою хотите сделать вы скучной?

Нельзя изменить что-то, чтобы при этом всё остальное не изменилось. И потому я говорю вам: «Побеждая смерть – вы множите смерть. И в стремлении вашем жизнь сохранить гонитесь вы за смертью. Ну так знайте же, что вы её поймаете!»

Одно отрицая, на самом деле другое отрицаете вы, а то, что отрицали вы из страха своего, – то и станет для вас единственно существующим. Вот почему жизнь ваша стала теперь смертью, ибо начали вы жизнь свою с отрицания смерти и боролись вы с ней ради неё самой!

«Не тарантул покусился на вас, но вы напали на тарантула малого, ибо всё вам мало! Вот и погубил он обидчиков. Многого хотели вы, слова "Довольно!" не знающие, и потеряли всё. А хотели бы малого, то обрели бы желанное, а значит, больше даже, чем многое.

Хотели победить вы смерть, ибо смерть ваша безраздельно над вами властвует и понукает сердцами пугливыми посредством страха вашего. Но не хотели вы признать слабости своей, страшась, ибо ещё вы и гордецы! Требовали вы себе равенства, но нет равенства в жизни, а потому уравнили вы себя в смерти!

И перед кем же теперь ищите вы равенства своего, если не перед самими собою? А если только перед собой вы равенства ищите, разве не есть это неравенство? А коли так, то есть ли равенство само по себе?

Иллюзия реальна лишь в смерти, ибо она сама иллюзорна, в жизни же нет иллюзии, в ней вы её не найдёте, в ней вы её не спрячете. Так, созидавая иллюзию, вы творите смерть вашу! Не мстит тарантул вам, и не надейтесь! Он действует. Просто! Не устанавливает он равенства для всех в смерти, но хочет жить сам! Не верит он справедливости, но не потому, что зол, а потому, что устал от неё!

Вот почему говорю я вам: "Уж лучше б были вы тарантулами, чем пророками несуществующего, обманщики, самих Себя обманувшие!" То-то похожи вы на летучих мышей в магистерских своих одеяниях!

Нет, птицы и тарантулы милее мне тех, кто притворяется птицею и тарантулом, ибо знаю я, что имеют они право, а вы тащите на себя одеяло! Забавно же звучит ваше: "Справедливо!"

Смотрите, овца ваша уже объедает лавр с венков ваших – вот она справедлива!»

Так говорил я тем, кто справедливости ради даже овце запретили умереть, думая при этом: «Не досталось мне жизни, так и ты, овца, смерти своей не получишь!»

Пытаешься ли ты всё ещё побороть смерть или решил уже всё-таки жить, друг мой? Поторопись, ибо у тебя одна жизнь!

Твой Заратустра

О ПРОСЛАВЛЕННЫХ МУДРЕЦАХ

Стокгольм

Привет из города, где даже мудрецы обласканы, шлёт тебе Заратустра!

Вот думал я, сколько сочетается мудрость с народной славой и не является ли слава эта проклятием для мудреца? Думал я и не нашёл ответа на вопрос свой, ибо не знаю я, что такое народ.

Народ – те это, кто представляют народное мнение, или же те, чьё мнение они

представляют? Не кажется ли тебе, что народ безгласен и можно представлять его потому лишь, что нет его вовсе?

Кто же тогда те, кто говорит от народа, если не лицедеи и обманщики? Хорошую же мудрость способны воспеть такие представители! Вот почему говорю я: «Бойтесь мудрецов, призываемых властью, – они утверждают иллюзию!»

Но что же тогда мудрец? Хуже ли от того он, что обласкан славой, или нет? Нет. Но хочет ли он быть обласкан? – вот вопрос, который должен задать себе мудрец всякий.

Всё, чего добивается человек, есть цель его. Потому о целях действительных судят ретроспективно. Те мудрецы, что были обласканы – желали быть обласканными. Видно, не любили матери их, что так теперь жаждут они ласки. Пусть же будут они обласканы!

Нашли обласканные мудрецы ту мудрость, что была ко времени и воспели её, но не мудрость сама по себе была целью их.

Всякой мудрости – своё время, ибо жизнь не повторяется! И потому заключил я, что нет мудрости самой по себе, а есть лишь мудрость ко времени и мудрость не ко времени.

Забавнее всего выглядят те мудрецы, что обласканы были посмертно. И потому понравился мне город этот, где мудрецов прославляют при жизни, своевременными мудрецами зову я их!

И пошёл я к тем, что распределяют ласки, заготовленные одним, и сказал им:

«Прославляя мудрость, не мудрость прославляете вы, но время. Но хотите ли знать вы, как узнать мудрость, что чужда времени?»

«Да», – сказали они мне и насупились.

И вот что говорил им тогда Заратустра:

«Хорош лишь тот пахарь, кто сеет хлеб, чтобы кормить самого себя, ибо хорошо он сеет. Хорош лишь тот пекарь, что печёт хлеб, чтобы самому есть его, ибо хорошо он печёт.

А потому хорош тот мудрец, который мудрость свою готовил для самого Себя, чтобы насытиться ею. Хороша мудрость счастливого человека, что осчастливил плодами мудрости своей Себя самого.

Не бойтесь эгоиста, если он счастлив, но бойтесь того, кто ведёт себя как эгоист, будучи несчастным. Разве же мудрость несчастного осчастливит Другого? Так за что же вы ему платите?

Не за мудрость следует платить вам, но за счастье, дарованное мудростью, ибо жизнь одна, а другого критерия нет, кроме радости».

И тогда сказали мне раздатчики прославлений: «Идиот тоже, может быть, счастлив, ибо он радостен. Но разве он мудр?»

Я же подивился их речи: «Он, может быть, мудр, но мудр он для себя, но он точно немудр для Другого. Не будете же вы платить тому, кто ничего вам не дал!»

Они же говорили мне: «Мы будем платить лишь тому, кто помогает развитию нашему!».

«Знаете ли вы, отчего люди несчастны? – спросил я тогда. – Оттого несчастны они, что путают радость свою с удовольствием!»

Радость – то дитя блаженное слова "Довольно!", удовольствие – слова ненасытного "Ещё!", а потому удовольствия всегда мало и жаждущие удовольствия – несчастны.

Поиск удовольствия своего зовёте развитием вы, тогда как это поиск конца! Неужели же готовы вы платить за смерть свою?»

Тут совещались они и сказали мне: «Ну а если нет в мудреце духа?»

«Духа, что подобно птице парит над пропастью?» – уточнил я.

«Да!» – ответили они хором мне.

«Духа, что бьёт по людским сердцам подобно жёсткому молоту по наковальне?» – снова уточнил я.

«Да!!» – снова восклицали они.

«Духа, что подобно бушующему ветру надувает содрогающиеся паруса?» – уточнил я и в третий раз.

«Да!!!» – кричали они мне в ответ.

«Жизнь, погляжу я, завораживает вас лишь в предвкушении смерти, – ответил Заратустра раздатчикам прославлений. – Страх смерти, переодетый в маскарадный костюм идеализма

вашего, зовёте вы духом!

Но не то дух, что щекочет вам нервы, а то, что придаёт мне силы, ибо он и есть жизнь! Как же можете вы измерить дух мой?»

Ты один только и знаешь дух свой, дорогой мой друг, так неужели же ты не ценишь его и будешь расплёскивать?

Твой Заратустра

НОЧНАЯ ПЕСНЬ

Рио-де-Жанейро

Здравствуй, друг мой любезный! Вот и очутился я в городе, где даже ночи светлы огнями радости!

Улицы залиты здесь светом безумных огней, и слышится музыка отовсюду! Тысячи людей, что раскрашены сумасшедшими красками, в перьях и серпантине, озаряют площади города этого своим безудержным смехом!

Краски смеха, что пронзительней тысячи солнц, и огни страсти, что сильнее бушующих водопадов, – вот он, гимн радости Человека! Ночь – вот он, источник света, искрящийся для тех, кто любит! Вот он – лучащийся нектар сладостный для сладостных уст!

Их, своих небожителей, манит она, ночь восторженная, как отблеск свечи золотой зовёт мотылька к себе беззаботного, опьянённого светом!

Так и летят они, влюблённые, на открытое пламя, крылья расправив трепетные и смеясь в лицо смерти, ибо чувствуют они запах блаженный ночи, не знающие страха пересмешники!

Влюблённые – дети невинные, которым не спится ночью. Влюблённые – это дети задорные, что темноты не боятся. Влюблённые – это дети раскованные, и эгоизм их блаженным нектаром становится для Другого!

Как же хочется вкушать перламутровый свет Другого в этой беспредельной ночи! Как же хочется пить, роняя из уст в уста, терпкий Его аромат в пряном дыханье ночи!

Ночь – вот он, великий праздник близости! Ночь – вот она, жрица, срывающая удила страха! Вот уж поистине нет препятствий, когда они не видны!

Прочь любовь с её сантиментами и обидами! Прочь больное дитя воображения, прочь! – ночь играет свою волшебную песнь!

Трепещите восторгом, не ведающие страха! Исходите на нет, пожирающие стон наслаждения, в своём безраздельном «Да!»!

Ночь не знает препон, не знает запретов она и назидания! Вершительница судеб, она отрывает жизни потайную дверь к Свету!

Она приходит, как смерть, целиком, она беспринципна: всё обнимет ночь покрывалом своей безудержной страсти, иссушая слёзы эхом трепещущей бездны!

Все тайны откроет ночь и все заберёт с собою секреты, хранительница мистерий, повелительница вечного сна! Ей одной я поведаю предел моей истины! Ей одной!

Ночь – вот она, моя танцовщица, что в душах кружит свой божественный танец, не зная ни зависти, ни стыда! Телу парящему поверяет она багряные краски, но не лицу!

Ночь – вот она, моя чаровница, наставница Солнца! В сумрачной душе, окутанной страхом, открывается она Светом! – такова моя Ночь, испившая наготу ощущений!

О, как же хорошо, что день сменяется ночью! Даже малый свет кажется в ночи огромным! Здесь, в ночи, Свет празднует своё торжество! Прочь, душный день, прочь! В прохладе божественной ночи хочу ощущать я тепло моей близости! В ней хочу искупаться и в ней утонуть, её наполняя я пенящейся своею кровью!

Ночь – вот уж воистину экзамен для глупцов, отличников смерти! Только ночь одна выявляет скудоумие бестелесных мудрецов ваших, сухопарых и диких!

Знай же, не знающие самих Себя, когда перестанут мудрость и ханжество обозначать одно и то же в ужасе вашем, тогда и ночь станет для вас Светом!

«Как же порочно одеяние ваше, скопцы! – так говорит Ночь мудрецам этим. – Но мне вы откроетесь, вас я увижу без фиговых облачений, видеть хочу я бессилие ваше, клеветники!»

Ночь – вот уж воистину экзаменатор для жестокосердных! Те способны лишь кусаться и царапать в сумраке ночи, но бессильны они поглощать и поглощаться во тьме её, чтобы быть Светом!

«Как же трусливы вы, беззубые! – так говорит Ночь к жестокосердным. – Об меня вы сломаете свои когти, ибо я одна знаю желания ваши, но не попрекать стану ими, а заставлю вытечь их через край! О пощаде вы будете просить меня, жестокосердные, о пощаде!»

Только для трусов и зануд ночь кажется бременем, только для них ночь не праздник, но тьма, озвученная лаем собак! В сумраке ходят они, они ищут себе подаяния. Но кто же подаёт в ночи, отверженные?!

«Только вы сами и есть свой запрет! – вот о чём говорит Ночь страшась! – Будет вам дико во мне, когда откроются вам тайны мои, но тогда только и узнаете вы, что не было у вас жизни, что жизнь прошла мимо вас стороною!» Но не страшен мрак ночи влюблённому, он манит страстную его душу! Ибо нет больше тени и царства теней, но только ночь!

Кто не радовался ночи, тот не знал дня! Тысячи людей в шествии карнавального под раскаты музыки торжествующей празднуют триумф собственной радости! – такова моя ночь! Танцовщики и танцовщицы открывают объятиями ночь! Загорелые тела их оголены, а на лицах – маски: прочь лицедейство, всё открыто, и всё дозволено!

Жизнь остановилась и катится вспять, потоком радостных криков и смехом веселья! Как же хочется, не играя, но играючи, затеряться в толпе!

До чего же хороши они, эти беззаботные люди, в блеске искрящихся фейерверков, в сиянье бенгальских огней, в отблесках звучных петард! И как же велика эта песнь, как безоблачна она и чиста! О, как бы хотел я петь и петь эту песнь сквозь летающие календари моих лет! Ночь – святительница молчания, ибо замолкают языки вавилоновы, касаясь сахарных нёб! Не терпит ночь речи, ибо не выносит она лжи, великая блудница!

«Молчите! – говорит властительница Ночь. – Всё я спрятала в своём чёрном плаще, только слова ваши не могу я укрыть: так замолчите же или пойте! Хватит глупости и лицемерия, оставьте их до утра, пусть сожжёт их Солнце – мой вечный жених!».

«Хуже нет печальной радости», – так говорит эта Ночь. И я вторю ей: «Нет хуже печальной радости».

К чему живёте вы, не знающие смеха? К чему вы мудрствуете, не знающие крика восторга? К чему вы любите, не знающие безумья?

Прочь от меня, прочь, нечестивцы, прочь! Безумную песнь свою поёт Заратустра под аккомпанемент преданной ему ночи!

«Знаете ли вы большего имморалиста, чем я?» – так говорю я ханжествующим.

«Знаете ли вы души моей свет?» – так говорю я страждущим.

«Знаете ли вы самих Себя?» – так говорю я ищущим.

«Вот вам моя ночная песнь!» – так говорю я обретшим.

Но что же сказать мне тебе, друг мой?

Твой Заратустра

ТАНЦЕВАЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Афины

Привет шлёт тебе город, в котором даже камни хранят великую тайну близости!

Вот он, великий город, вот он – великий в своей молчаливости!

Как же хорош он, залитый солнцем! Как ворожит его ночь! Сколько в нём радости, сколько печали! Вся история человечества заключена в нём. Взлёты и падения человечества помнят тёплые камни города этого, хранящего тайну!

«Что ж так хорошо хранит он историю человечества и не помнит о человеке?» – думал я,

когда слышал божественную музыку, доносившуюся ко мне с моря, и поспешил на сладостные, тягучие её ноты.

Так бежал я, влекомый чарующими звуками, когда открылась мне площадка, выложенная мраморными плитами, что выходила навстречу бескрайним водам, над которыми в трепетном ожидании зависло вечернее солнце.

Шесть прекрасных девушек со стройными станами, увитые лепестками роз, и шесть юношей прекрасных, как южные кипарисы, с полуобнажёнными торсами, танцевали сиртаки под музыку Купидоновой флейты.

Их руки сплелись, подобно молодым виноградным лозам, обнимая покатые плечи, а головы их склонились, словно спелые бутоны роз чайных, что смущены своей девственной красотой.

Музыка текла игриво, словно водные струи по мраморной глади, и нежила, подобно майскому ветру. Привставая на носочки, будто бы на мелководье, двенадцать созданий, как весенняя листва юных, вычерчивали ровные круги на площадке, предназначенной танцу.

Я замер, как на заре замирают безвольные птицы, разбуженные первыми лучами нового дня. Но вдруг оборвались магические всполохи флейты, и кто-то сказал: «Смотрите, смотрите! Это Заратустра-Танцор!»

В мгновение ока окружили меня молодые создания, щебеча и мурлыкая. «Станцуй свой Танец для нас, Заратустра!» – так обращались они ко мне своими бархатными и шелковистыми голосами.

И я смеялся в ответ божествам: «Вы сами не понимаете, о чём просите Заратустру! Как может он танцевать, когда румяны так ваши щёки, так красивы тела, так задорны звуки вашего юного смеха! Нет, Заратустра не в силах танцевать перед божествами. Лучше уж вы станцуйте для Заратустры свой танец, пусть напитается счастьем его уставшее сердце! А я, так и быть, напою вас песню...»

Рассмеялись они в ответ на моё смущение, разбежались, чтобы занять свои места в танце, и замерли.

Вот что пел великий танцор, когда они танцевали:

«Танцуйте, как птицы танцуют!» – так говорят две женщины: Жизнь и Мудрость – тем, кто готов слышать их голос.

«Кто не разочаровывался, тот, видно, и не был очарован», – так говорит Жизнь и танцует.

«Кто не заблуждался, тот, верно, и не мыслил», – так говорит подруга её, Мудрость, и танцует.

«Те же, кто вечно заблуждается, те же, кто всегда разочарованы – те не знают и радости Танца!» – так говорят эти женщины.

«Тот не изменял самому Себе, кто не изменял нам», – говорят они и смеются.

«Тот, кто изменил самому Себе, – тот сломал себе ногу. Плохой же танцор из хромоножки!» – так говорят они и заливаются смехом.

«Злится тот, кто сломал себе ногу. Ох, ох! Но кто же виноват в том, кроме него самого?» – так говорят мои женщины и гримасничают.

«Мы любим тех, кто смеётся! Мы покидаем того, кто сетует и скрежещет зубами!» – так говорят они всем, кто не сетует и не скрежещет зубами.

«Но как же поймать вас, неуловимые?» – спрашивает их Человек.

«А что же ты, вопрошающий, не танцуешь? Сидючи ты не узнаешь ответа!» – так говорят мои бестии легковесные, не прекращая своего танца.

«Но с кем же из вас танцевать мне, чтобы другая не стала мстить мне из ревности?» – раздумывает Человек.

И смеются они в ответ Человеку: «Кто танцует лишь с одной из нас, тот не танцует вовсе!». «Но как же мне быть, не умею я танцевать с двумя!» – сокрушается Человек и в отчаянии скидывает руки.

«Это от того, что неверно ты нас понимаешь, отчаявшийся!» – так говорят они Человеку.

«Что же мне делать?! Что же мне делать?!» – сокрушается Человек.

«Танцевать!» – говорит Жизнь.

«Танцевать!» – говорит Мудрость.

«Танцевать!» – говорят они вместе.

Такую песню пел я моей юности и плакал беззвучно, глядя на чудесный танец юных птенцов, прекрасных, как всякая радость. Но недолго пришлось мне плакать, ибо увлекли меня божественные созданыя в свой хоровод.

И вместе мы пели: «Танцевать! Танцевать! Танцевать!»

И свивались руки наши, словно молодые виноградные лозы.

И сгибались тела наши, как сгибается кипарис, повинуясь южному ветру.

И ходили мы на носках по каменным плитам словно по воде, воздушные.

И колыхались на головах наших лепестки алых роз.

И замерло солнце над горизонтом, и упало за горизонт, как только отзвучали последние ноты нашего Танца.

«Идите же спать, идите любить!» – так говорил я к юным моим божествам.

Они же смеялись: «А как же ты, Заратустра?!»

«Что смеётесь вы, безвозрастные? Разве же хромоног Заратустра? И разве закончился его Танец? »

И зарделись их щёки, и побежали они в город, где даже камни хранят близости великую тайну.

Знаешь ли ты тайну свою, друг мой? И что эта тайна, если не Танец?

Твой Заратустра

НАДГРОБНАЯ ПЕСНЬ

Каур

Здравствуй, друг мой, здравствуй!

Сердце моё плачет в городе, где даже пирамиды гибнут под бременем лет!

Хорошо знаю я, что не любят люди слёз ничьих, кроме собственных. Выслушаешь ли ты, друг мой, песню заунывную Заратустры, что разрывает сердце его?

Хватит ли нежности у тебя к другу слушать музыку его слёз? Силён ли ты настолько, чтобы выдержать слабость чужую, позабыв на мгновение о собственной?

Вот о чём спрашиваю я: будешь ли ты другом мне?

Сел я на белый корабль и отправился по печальному морю в страну вечных песков. Тяжело было на душе у Заратустры, когда видел он недвижимое море. Тяжело было на сердце его, когда видел он пески недвижимые.

Но не выдержало и взвыло от боли сердце моё, когда увидел я, что даже вековые пирамиды рушатся под бременем лет, рушатся даже памятники смерти!

О сокровенном моя надгробная песнь: о разочарованиях моих! И разочарования эти: знание, любовь, надежда, вера, воля и верность!

Было когда-то и мне шестнадцать, имел и я надежду, что есть мудрецы, обретшие знание, а потому и я могу обрести его. И была у меня вера в любовь, ибо верил я, что возможно любить. Была и у меня воля быть верным, ибо думал я, что есть вечное.

Но вот смотрю я теперь на увядающие памятники смерти и вижу, что всё – прах и тлен, тлен и прах. Кумиры мои – надежды мои – лежат в пыли и обращаются в пыль. Им пою я мою надгробную песнь!

Да, разочаровался Заратустра в знании, ибо думал он прежде, что знание – это мудрость, способная изменить мир. Но узнал Заратустра, что знание не только бессильно мир изменить, но и отразить его не в силах оно.

И понял я, что знание – тлен, а мудрецы – несчастны! Прочь иллюзии, прочь! Никто не вышел ещё за свои пределы, а только передвигал их. Не царь природы, но раб её – вот истинное слово человеку.

Принять следует мир человеку и жить им, а знание – собака, что тьякает, сидя на короткой цепи. Бросьте ей кость, пусть глодает она объедки сиюминутности и не зарится теперь на

большее!

Нет иллюзии большей, чем иллюзия знания!

Да, разочаровался Заратустра в любви, ибо думал он, что любовь – это счастье, способное наполнить жизнь смыслом. Но узнал Заратустра, что любовь – это безумная пляска голодного воображения и невоплотимых желаний.

И понял я, что любовь – прах, а любящий – насильник. Никогда Другой не станет тобой и фантазии твоей не ответит, ибо нельзя его обезличить!

А любовь – это червь, что проедает насквозь оголённое сердце, как садовый паразит – падшее яблоко.

Должно дорожить Другим так, как сам Он хочет того, и беречь Его для него Самого – вот, что говорит мне израненное моё сердце, тоскующее по невозможности любить.

Нет иллюзии большей, чем иллюзия любви!

Да, разочаровался Заратустра и в великой соблазнительнице – надежде, ибо думал он прежде, что надежда – сила, способная перевернуть мир.

Но узнал Заратустра, что надежда – груз и что тянет она ко дну утопленника. Даже на поверхности нет мне места, если накинута на шею мою петля с камнем надежды!

И понял я, что надежда – грех, а надеющийся – бунтовщик. Надежда – не путь, но пропасть, ибо нельзя жить тем, чего нет!

Надежда – сестра ненасытности и лестница в небо; там, на вершине, пусто и холодно. Рубите же лестницу эту под самый корень!

Не алкать невозможного, а жить тебе данным, испытывая благодарность – вот чему научил меня опыт бессмысленности надежды.

Нет иллюзии большей, чем иллюзия надежды!

Да, разочаровался Заратустра и в вере, ибо думал он, что вера – сила души. Но узнал Заратустра, что вера – это её слабость и сама душа – слабость.

Слабосильные и отчаявшиеся ищут утешения себе в вере, ибо нужен им Отец, который знает всё и защитит готов блудных своих приёмшей. И понял я, что вера – тьма, а верующий – нахлебник! Жизнь не нуждается в том, чтобы в неё я верил. Это мне нужно, чтобы жил я ею, ей же ничего от меня не надо.

Подобна вера подсказке, что дана нерадивому школьнику, – есть ответ, да нет опыта. Так скажите же: «Не знаю!» тогда будет вам путь. И пусть удавится страх ваш, слишком уж он разъелся на румяной сдобе веры!

Нет иллюзии большей, чем иллюзия веры!

Да, разочаровался Заратустра в воле, ибо думал он, что воля – деятель. Но узнал Заратустра, что воля – беглец.

Воля рождается там, где плохо, и не родится там она, где хорошо. А потому воля – признак недостатка, и не более того.

И понял я, что воля – ропот, а волящий – трус! Страшащийся всегда будет страшиться, а не найдёт повода – так сам себя испугается.

«Довольно!» – вот оно великое слово, и сказать его следует прежде, чем станет невоготу, – вот рецепт Заратустры!

Только и знает воля, что пережёвывать отрываемое ею сено, пусть же сама она себя ублажает! Слишком она рогата, накиньте на неё узду прежде, чем примется она бодаться!

Нет иллюзии больше, чем иллюзия воли!

Да, разочаровался Заратустра и в верности, ибо думал он, что верность – свидетельство широкой души. Но узнал Заратустра, что верность – узкого ума признак.

И понял я, что верность – глупость, а верный – туп! Всё меняет свои очертания, ибо всё смертно! Не следовать по пятам за жизнью – значит и не жить вовсе!

Верность – это падальщик, но не по пути мне с шакалами, не друзья они Заратустре, слишком дурно от них пахнет!

Пусть прожитое доедают шакалы, я же смотрю вперёд, ибо сейчас делаю я то, что будет моим завтра! И не хочу я делать своё завтра из смерти, я прислушиваюсь к изменчивой жизни – она, величественная, говорит со мной!

И нет иллюзии большей, чем иллюзия верности!

Такова надгробная песнь, что поёт Заратустра над пирамидами своих падших иллюзий, что тленны, как и памятники смерти в стране песка!

Спасибо тебе, друг мой, что разделил со мной минуту скорби, спасибо!

Но неужели же думаешь ты теперь, что не знаю и не люблю я тебя, что безволен, что не верю я и не верен тебе? Неужели думаешь ты, что не надеюсь я на нашу встречу?

Знаешь ли ты, что более всех иллюзий и живёт вопреки им? Знаешь ли ты теперь, что такое эгоист?

Твой Заратустра

О САМОПРЕОДОЛЕНИИ

Иерусалим

Привет тебе, друг мой, из города, где даже Бога умудрились распять!

Ходил я по мощёным улицам города этого, где Бог ваш нёс крест свой, ходил и думал: отчего же нёс он его? Почему не встал он на месте и не сказал: «Не буду нести! Вам надо – вы и несите!»

А потому не сказал он так, ибо не был он жизнью, но хотел большее – за то и получил смерть. Каждый народ имеет того Бога, которого заслуживает, – вот что скажу я вам!

Мир ваш на гробах стоит веры вашей, ибо нет веры, кроме мёртвой. Какие только слова не придумали вы для обозначения мёртвой веры – «воля к власти», «воля к знанию», «воля к истине», «воля к жизни» и даже «воля к смерти»! Я же зову её – «волей к воле»!

Не достаёт вам жизни как она есть, вам нужно ещё и верить в неё, иначе кажется она вам недостойной. Так вот, что скажу я вам: «Не жизнь недостойна, но вы жизни своей не достойны, а потому мертвы!»

Хотели вы покорить мир, чтобы подчинился он вам, – «волей к власти» называли вы безумие это и оказались в доме умалишённых!

Познать хотели вы мир – «волей к знанию» назвали вы эту дерзость, и стали бредить! Не тесны вам стены больничные, ибо нет у знания вашего веса!

Обрести вы хотели вечные истины на каждый день – «волей к истине» зовётся у вас малодушие это, и стали вы играть, жить способности не имея!

И жить хотели вы по истинам вашим, чтобы умереть красиво, – так «воля к жизни» ваша стала «волей к смерти» у вас, и потому умерли вы, умерли в жизни вашей!

Что же тогда воля ваша, если не бегство? От чего же бежите вы, если не от жизни и мира её? Но почему вы не спросите себя: «Куда я бегу?» Почему не скажете вы: «Не буду бежать! Вам надо – вы и бегите, а меня нечего гнать!»

И вот ответ вам, безумные: недовольны вы, недовольны, ибо малодушны. И потому к тем обратились вы, кто глупостью своей поддержит недовольство ваше.

И сказали вам мудрецы ваши: «Воля – вот что мешает вам, отриньте же от себя волю!» И стали вы препятствовать воли своей!

И сказали вам другие мудрецы: «Воли, воли недостает вам!» И захотели вы воли!

«Но что же стать должно предметом воли нашей?» – спросили вы. И выдумали мудрецы для вас ценности, которые придётся вам вечно искать, ибо нет их!

«Как не иметь воли нам?» – спрашивали вы. И сказали вам, что не иметь воли – значит уничтожить все проявления жизни. Но кто ж уничтожит то, что не создавал он?

И стали вы повиноваться тому, чего нет. И стали вы изгонять то, чего не имеете. «Воля к воле» – вот ваша жизнь, что не жизнь, а смерть!

Выдумали вы себе кнут, чтобы бояться боли от ударов кнута вашего, но только не жизни, ибо жизнь – вот самый большой страх ваш!

Но зачем же боитесь вы жизни? Почему не скажете вы: «Не буду избегать, но буду жить, ибо жизнь у меня одна и некуда мне бежать! А если вам надо, безумные мудрецы, то вы и бегите!»

Белкой быть в колесе – вот судьба ваша. Но не бывает человека в клетке, ибо даже зверь в клетке скотиной становится блеющей, но не зверем. Кем же становится человек в ней?

Но нет в вас ума здравого признать глупость вашу, от того и страдаете вы. Придумали вы для себя монстра и назвали вы его властью, и стали басни рассказывать о засилии власти этой, дрожать и блеять, призывая самих себя к повиновению. Но кому же повиноваться вам, кроме страха вашего? Таково имя власти вашей – страх!

Смешно смотреть мне на то, как вы сами себя пугаете! Смешно, ибо детей так пугают, чтобы они сидели смиренно и ничего бы не натворили.

Но что можете вы натворить, кроме радости вашей? Разве же другого может желать человек, кроме радости? Чего ещё, кроме радости, он желать может?

Но не умеете вы желать, разучились вы, испуганные! А кто не имеет желаний, тот может лишь желать желание, но не желание это, а безумие, его-то и зовёте вы волей вашей!

И стали вы, безумные, желания не имеющие, что погибло, задохнувшись от страха вашего, волю пестовать к власти, чтобы заглушить страх свой чужим страхом!

И теперь смотрю на человека, что прибит к кресту, – вот она, ваша воля к воле! Вроде бы и в небе, да не летит. И руки раскинуты, да не для объятий!

Зачем же прибили вы Бога вашего? Чтобы не убежал Он от вас, волящих, но не желающих? Да, правильно поступили вы, я бы сбежал от вас на месте Его!

Впрочем, видел я в городе этом, что гроб Его пуст. Сбежал Он от вас и прибитый, ибо не можете вы обхитрить Бога, а только сами себя. В мире мёртвых нечего делать живому!

И говорите вы, что жизнь должна преодолевать самоё себя, а я скажу вам, что нечего преодолевать ей. Нужно ли реке переходить реку? Нет в жизни ничего самоценного, всё лишь кружение форм и игра содержаний.

Что меняется в вас, когда меняете вы одежду, а что остаётся всегда неизменным? Что меняется в вас, когда оказываетесь вы нагими?

Даже нагими не можете быть сами Собой, а каковы уж вы в одежде! Это вам нужно преодолевать самоё себя, но не жизни!

Воля к власти может быть лишь у власти, но нет таковой, а есть лишь страх один, и он только!

Воля к познанию может быть лишь у познания, но нет его, а есть только бравада ваша!

Воля к истине может быть лишь у истины, но нет её, ибо вы её выдумали!

Воля к человеку – вот что может быть у человека, но для того сначала должно быть человеком!

Но будет ли воля к человеку у того, кто сам уже и есть человек? Ведь нелепо же стремиться к тому, что достигнуто.

А потому заключаю я, что воля ваша проистекает от недостатка и потому ущербности вашей свидетельство! Чем же гордитесь вы, воспевающие волю?

Страх свой назвали вы волей, и бунтуете теперь тем, что называете волей, против власти, которая только страх ваш и только – таково свидетельство отсутствия вашего!

Вот почему нет Человека среди вас, вот почему и Боги ваши – распяты! Вот почему, чтобы быть Человеком должны преодолеть вы волю свою к человеку: преодолеть в себе всё человеческое, чтобы быть тем, кто вы есть.

Что ж не освободите вы Бога вашего? Оттого, видно, что сами вы несвободны. Но кто же держит вас, кроме вас самих? Вот почему говорю я вам о самопреодолении!

Неинтересна мне воля в человеке, неинтересны мне его знания, неинтересна мне и его истина, неинтересна ни жизнь, ни смерть его, пока нет самого Человека, так думал я на улицах города, где даже Бога умудрились распять.

К кому же вернуться мне, друг мой? К тебе или к твоему?

Твой Заратустра

Привет тебе, друг мой! Нашёл я лучшее место для возвышенных – выше не найти – Северный полюс!

Всякий считает себя выше другого, даже те, кто считают иначе. Чего ж не отправляются они сюда, возвышаться, с белыми медведями заодно?

Вот что скажу я тебе, друг мой: слабый сильнее сильного, если не отказывается он от своей слабости, сильный слабее слабого, если пытается сильным быть через силу.

Многое сотворил человек, на многое он способен, но чего не может он сделать – так это не мешаться Другому в жизнь. Позволить другому Другим быть – вот чего не можете вы, оттого и страдаете!

Видеть в другом Другого, а не искажение себя самого – вот рецепт Заратустры!

Если хотите вы быть с другим, значит, вы самим себе недостаточно интересны. Что ж Другого хотите переделать вы так, чтобы был он подобен вам? Вы же умрёте со скуки!

Не хотеть быть с другим, но быть с Другим – вот рецепт Заратустры!

Что ж истины свои навязываете вы Другому? Что ж утверждаете для Него своё мнение? Не от того ли, что истинами своими сами вы недовольны? Зачем, иначе, хотите всучить вы мнение своё Другому, если не оттого, что вам с ним тягостно? Что ж вы носитесь с ним как кура с яйцом своим? Выкиньте, выкиньте вы его, коли так недовольны вы им!

Не истину искать, но быть самим Собой для Другого – вот рецепт Заратустры!

Отчего не любите вы других, если не потому, что не нравятся они вам такими, какие есть они? Так удовлетворитесь собой, что ж ищите публику вы для удовлетворения своего?

Не пытаться брать того, чего нет у Другого, но давать Ему то, что есть у тебя, – вот рецепт Заратустры!

Отчего ж себя считаете вы более сведущим в Другом? Не от того ли, что себя сведущим считаете вы в себе? Но почему несчастны вы так, сведущие сами в себе? Может быть, не очень-то и нужен Другому совет ваш, совет, что даёт ему несчастный?

Не проповедовать того, что не принесло счастья тебе Самому, – вот рецепт Заратустры!

Отчего пытаетесь дать вы, когда не просят вас? Разве можно налить воду в сосуд, что перевёрнут дном кверху?

Не давать, пока не попросят вас и не будут готовы, – вот рецепт Заратустры!

Но отчего же так пытаетесь вы всучить себя вместо того, чтобы дать то, о чём просят вас? Не свои ли цели преследуете вы, пользуясь другого доверием?

Не навязывать и не навязываться – вот рецепт Заратустры!

Как же смешна мне возвышенность ваша: и тех, кто думает, что собрал плоды с неба, и тех, кто считает себя избранным собирать их! Нет ничего на небе, кроме неба, всё оно готово принять, да вот тяжелы вы больно под грузом истин ваших!

Всё, чем похваляетесь вы, – только результат обстоятельств, от вас не зависящих, что ж себя-то вы превозносите, жертвы самодовольства?!

У Других другие обстоятельства, помните же об этом – вот рецепт Заратустры!

Стали бы поступать вы дурно лишь с тем, чтобы поступить дурно? Нет? Что ж считаете вы, что другие иначе делают?

Лучше пожать плечами, чем осуждать, лучше смеяться, чем злиться, – вот рецепт Заратустры!

Видел я пса с глазами ангела, но не видел я человека с такими глазами. Но когда дал я мяса кусок псу этому, по-другому стал он смотреть на меня: он ждал следующего куска!

Зависимость – вот худшее, что известно мне. Но кто же вы, возвышенные, если не те, кто более всех испытывает зависимость?

Нет, здесь, с медведями белыми, – лучшее место для вас, возвышенные, ибо тут станет вам ясно, чего стоит возвышенность ваша!

Позволишь ли ты быть мне Другим, друг мой, и будешь ли ты другом Другому, сам оставаясь Другим и не терзаясь этим?

Твой Заратустра

О СТРАНЕ КУЛЬТУРЫ

Верховья Амазонки

Привет тебе, друг мой, шлёт город этот, где дома – деревья, а улицы – реки!

Слишком далеко залетел я в настоящее прошлое, слишком, так что и не хочется возвращаться! Другой здесь темп, другой ритм, другая жизнь. Кто сказал, что здесь одиноко?

Здесь, где нет разделённости, где нет пустоты и обыденности, при том, что всё неизменно, – как может быть одиноко здесь? В этой неизменности и есть жизнь подлинная!

Понять, что ничего не меняется, – вот главное! А что может-то измениться? Перемены происходят только в умах ваших.

Тем более смешон тот, кто придаёт значение переменам, тем более странным кажется тот, кто пытается ухватить за хвост эту птицу не существующую!

Хотите перемен – переменитесь, не хотите – не меняйтесь. Зачем суета? Больно озабочены вы переменами, уж не от того ли, что не хотите меняться? Но зачем вы тогда кричите?

«Не успею!» – вот крик культуры вашей. Но куда?!

Торопитесь жить – умереть торопитесь! И так вы торопитесь, что, кажется мне, уже вы успели!

«Создавать!» – кричите вы, культурные. А знаете ли вы – зачем? Если для того только, чтобы создать, то можно и не создавать вовсе! Если же для того, чтобы радоваться и радовать, то зачем кричать криком ужаса?

«Добиваться!» – вот крик культурного человека. «Но чего желаете вы добиться?» – так спрашиваю его я.

Видел я среди вас добившихся, но не видел счастливых. Или несчастья своего добиваетесь вы?

«Верить!» – вот что кричите вы, апостолы культуры. «Во что вы хотите верить?» – спрашиваю я вас.

Верить лишь с тем, чтобы верить, – значит парус ставить, плыть не желая. Сами себе вы придумали ценности, чтобы верить в них.

Если же с трудом таким даётся вам вера ваша, так, может быть, стоит переменить вам ценности ваши! Зачем вам большой парус, если всё равно вы плыть не желаете?

Может быть, хватит бегства уже? Может, остановиться, прозреть, оглядеться? Может, стоит ощутить жизнь, а не гнаться за ощущениями?

Беда ваша в неполноте вашей, но как же быть вам исполненными, если вам всегда мало? И мало не потому вам, что мало, а потому, что *вам* мало.

Ну так вы ли себе хозяин или же нет? А если нет, то кто же тогда управляет вами? Почему же не скажете вы себе: «Довольно!», если запыхались.

Культура не в том, чтобы ограничивать, а в том, чтобы открывать. Не на запретах культура стоит, но на желаниях, но одеты желания ваши в оковы запретов, оттого-то и кажутся вам желания ваши зверями хищными, коим место лишь в клетке жёсткой. В клетку заточили вы желания ваши, там оголодали они и обозлились, и теперь зовёте вы это культурой вашей!

Культура не в том, чтобы создавать несуществующее, а в том, чтобы шире смотреть и больше видеть! Напраслину наводит культура ваша на жизнь подлинную, не способствует, но искажает, а вслед за тем винит её в искажениях этих. Это зовёте вы своей культурой!

Культура не в том, чтобы воспевать, а в том, чтобы петь! Тот декламирует идеалы свободы, кто о власти думает, а потому страхом пропитан! Дурно пахнет культура ваша, ибо на страхе стоит и свободу страха проповедует!

Вот почему страну эту, где дома – деревья, а улицы – реки, назову я страной культуры, а «храмы» ваши приютом юродивых!

Ибо здесь, среди рек и лесов диких, вижу я настоящее, здесь вижу я жизнь подлинную, что принимает меня, не чураясь. И пусть строга она, но зато свысока на меня не смотрит!

Разделяет культура ваша, а жизнь целостна в себе самой. С кем же хотите вы быть: с

миром или с мечом? Не с миром пришёл я к вам и не с мечом я ушёл в мир этот, чтобы быть!

Слушайте же, что скажу вам, рабы культуры: «Признак слепоты, если дома ваши дороже вам лесов этих, а улицы – дороже рек!

И культура ваша, замешанная на страхе, ослепнув, наконец, или разрушит всё, или сама погибнет. Ибо так ведёт себя слепец сумасшедший!»

Чему же служишь ты, друг мой? Если музе – то нет тебя, если культуре – то лучше б тебя и не было вовсе, а если служишь ты Человеку – я для тебя, а радость нам на Двоих с тобою!

Твой Заратустра

О НЕПОРОЧНОМ ПОЗНАНИИ

Венеция

Привет тебе, друг мой любезный, из города утонувшего!

Читал я в книге одной, что некогда разгневался Бог и утопил землю с людьми её в пучине вод. Отчего поступил Он так? Не от того ли, что люди луне уподобились? – Не светить они стали, призванные светить, но отражать. Так расстроили вы Бога своего, что заставили плакать!

Тот, кто создан светить, не светить не может или должен он будет погибнуть. Как же из звёзд, сиянье которых – дарение света, стали вы безжизненными кусками материи, что способны лишь поглощать? Не потому ли, что умерли вы за трапезой вашей?

Вот он, город, что напоминает вам о смерти вашей, ибо в воде он утоплен! Слёзы жизни вашей разлились по городу этому, где светла так луна, где так холодно-светла она, пожирательница света! И не остановить мне слёз, что разрывают глаза, когда смотрю я на эту столицу искусств ваших!

Как к могильному камню приходят сюда творцы ваши – художники, музыканты, поэты. Что изображают они? Чем складывают мелодии своих звуков? О чём пишут? Пожирателям мечтают они отдаться, – оттого изображают они пищу, оттого играют столовыми ножами, оттого и пишут о пищеварении!

Так признаются они в любви – голодом, так пестуют дух свой – благовониями обедов! И стыда не испытывают они, описывая жерло желудка своего, бесстрашные до застолий!

Стыдится дух их земного, но пожирает он землю. Клевещет дух их на земное, но кормится он с её рук! Небесное грезит создать дух творцов ваших, но полёта и света небесного не знает он, ибо дух их – мука!

Мифотворцы ваши – предатели жизни, их слушаете вы, им доверяете. Два мифа создали творцы ваших иллюзий – миф о трагедии человека и миф о счастье его, обрётённом чудесно. Один хуже другого! Ибо чем хуже страдание надежд избыточных?

Страдают глупцы и пройдохи, оттого и говорят они, что должна быть трагедия у человека, иначе не человек он. А по мне так, иначе он не глупец и не пройдоха! Но поверили вы мифотворцам вашим, ибо и вам приятно лентяйничать, трусливые, ибо и вам хотелось наполнить жизнь свою смыслом!

Воистину, непорочно познание, которое ищет пустое место, ибо откуда ей взяться, трагедии, в жизни вашей? В том-то и трагедия творцов ваших, что нет в них трагедии никакой и нечем оправдать им страдания свои, кроме собственной глупости! Вот и преодолевают они сами себя, самоедство своё называют они «трагедией», я же зову его – «самоедством»!

Как же выйти из круга этого, если не чудом? И вот придумали творцы ваши миф о счастье, что приходит внезапно, если ждёшь его! Но нет его и оно не приходит, ибо и оно – жизнь, как может она прийти? Себя оплакивают творцы ваши, при жизни умершие, о себе только и думают, а потому не видят они Других и потому радости они не знают!

Все творцы ваши страдают, ибо нет на сердце у них ни радости, ни счастья. Стал бы счастливый перья ломать да бумагу портить? Нет, счастливый не пишет, счастливый – радуется! Несчастный только и сучит руками! Не потому ли, как только становится плохо вам, так сразу принимаетесь вы за стихосложение?

Странно ли, что несчастные творцы ваши в творениях своих осуществляют несбывшиеся свои мечты? Нет, ибо голодный думает об обеде! А вы верите им, будто не фантазии это и бред оголодавшего, а правда! Ищете вы, верующие, в жизни своей чудеса эти, вам рассказанные, ищете и не находите, ибо нет в жизни фантазий этих, как и других тоже нет!

Фестивали устраивают в утопающем городе этом, фестивали безумия, оргии сострадательных и пиршества оголодавших! Мифы подают на пирах этих и страданием потчуют! Холёные скелеты в гостях почётных, и трупам представляют они новую мифологию смерти, которая вечно стара!

От безысходности творят лучшие творцы ваши, от безысходности, а потому творят они безысходность! Не в радости вы творите, не из избытка, а от недостатка и пустоты вашей! Чего же так не хватает вам, отчего же так вы оголодали? Не от того ли, что пусты и переполняет вас пустота?

Но более всех сводит сердце моё от тех, кто творит, мучимый жором! Пожирателя своего рассматривают они как мясо. И говорят они: «Кто же пожиратель наш, если не мясо? И хочет он быть съеденным, и оттого-то едим мы его, хотя больше уже и не лезет в нас, но таковы тяготы труда нашего. Ибо искусство требует жертв!»

Но и лучшие творцы ваши лишь прикасаются к жизни, но ей не отдаются! Коснувшись едва, кричат они, словно умалишённые: «Дайте нам кисти и краски! Скорее, должны зарисовать мы жизнь, пока не забыли!» И рисуют смерть! «Дайте запишем!» – пишут о смерти!

«Дайте, дайте!!!» – кричат они, и закладывает у меня уши, ибо смерть глуха, а меня умертвляют иллюзией творения творцов ваших, что творят смерть! Мучимые жором, режут они жизнь на куски и, растаскивая клочками по норам, глодают жадно кости её, слизывая кровь сочащуюся похотливыми языками своими!

Это увидел я в городе, что утопает в воде жизни, протекающей мимо! И вошёл я тогда на сцену пустую, что прославлена именами великими творцов ваших, и так говорил в пустой зал, ибо всегда в нём пусто:

«О вы, чувствительные лицемеры, вы, сластолюбцы, жадные до безысходности! Что сделала земля вам, что так ненавидите вы самих Себя?!

Дала она кров вам, дала добрую пищу, но кров вы её разрушили, а пищу свою – отравили, и обозвали за то жизнь страданием!

Это зовёте вы своею невинностью и невинным познанием! Я же зову это непорочностью и непорочным познанием, ибо это больше, чем порок, больше преступления – это пустота!

Творения ваши – плод непорочного познания вашего. Уж лучше б было оно порочным, чем никаким! Из пустого в порожнее переливаете вы, но страшитесь, страшась: вода прибывает!

Не для чего рождаются творения ваши, только лишь для барышей: славы и эквивалента её – денег! Мёртвые, беременны вы мертвецами и рождаете мясо!

Неспособные жить, воспели вы желание смерти в творениях ваших, но и умереть не можете вы, ибо не жили никогда!

Вы, воспевшие созерцание, где же созерцали вы, не прицениваясь? Вы, воспевшие созидание, где же созидали вы, не искажая? О вы, осквернители благородных имён!

Отчего нищенствуете вы и побираетесь, отчего называете разрушение вы – созиданием, а слепоту – созерцанием? Знаете ли вы, зачем творите? Знаете ли, что значит дух ваш?

Разложения дурным духом разит мне от пиршеств ваших, дурным словом вашим разит! Ибо слово ваше – навет на жизнь священную! Ложь и клевета – непорочное познание ваше!

Воспели вы и страдание своё, и удовольствие чахлое, а жизнь, что кормила вас и поила, поблагодарить вы забыли!

Бога обвинили вы в сотворении яблока страдания вашего, которого не создавал Он. Вы же сами страдать стали, вы и были червями ненасытными, что яблоко это изгрызли своим сладострастием. И напитавшись страданием, обернулись вы змиями, что хранят плод прогнивший! Это зовёте вы творчеством вашим?!

Кого пытаетесь обмануть вы? Кого тешите вы пляской скелета на могиле его? Страх и ненасытность свою ублажаете вы, ибо боитесь вы жизни и ненавидите её в ожесточённых сердцах ваших!

То, что дано вам, не оценили вы, а то, чего нет, – воспели. А потому и не заметили вы, когда умерли, утопленники искусства!»

Так говорил я, но не слышала меня пустота, ибо как может она слышать? И пошёл я тогда к водам, что залили город этот, и смотрел я в ночное небо.

Луна отражала свет, как и вы любите отражать, называя творчеством вашим эту мистификацию! Но взошло Солнце и не стало вдруг отражения, ибо там где свет, нет места свету поддельному!

Знаешь ли ты, друг мой, как отличить свет от его отражения? Знает лишь тот, кто сам светит! Но остерегайся же светить мёртвым, ибо начнут они тебя отражать!

Только эгоисту светит лучезарное Солнце, ибо сам он светит Ему в ответ!

Твой Заратустра

ОБ УЧЁНЫХ

Рим

Привет тебе, друг мой, из города, где огонь согревает разрушителей иллюзии!

Высоко же ценят в обществе вашем разрушителей иллюзий: фейерверки устраивают им! То ли думают у вас, что разрушители иллюзий единственно реальны, а потому хорошие из них поленья для доброй растопки; то ли думают у вас, что холодно должно быть тем, кто разрушает иллюзии, и согреть пытаются их кострами погребальными – на знаю я, но жгут их нещадно, не жгут даже, а выжигают! Велика благодарность пугливых – смерть её имя, память – её лицемерие!

Так говорил я учёным, подпирающим стены иллюзий:

«Средь чертополоха и красного мака растут стены иллюзий ваших – в мозгах, омываемых кровью. Лучше б омывались они желчью! Но нет, желчью омываете вы сердца ваши!

Да, нелёгкая доля того, кто разрушить пытается стену иллюзий! Ненавидят у вас созидателей, разрушителями называют их, попирающими законы.

Что ж не думают у вас, что законы сами взывают к собственному попранию? Не для того ли создавались границы, чтобы нарушать их?

Согласен и я сгореть на костре злобы вашей, да только у неё много дыма и гари, от неё можно лишь задохнуться! Я же свежий люблю воздух!»

Душат иллюзии тело моё, гложут его подобно червям трупным! Не я ли воспитывался среди этих стен? Не я ли привык глядеть на небо высокое сквозь зарешёченное окно тюрьмы иллюзий своих?

Сжечь хотите вы разрушителя иллюзий ваших, ибо страх одолевает вас! Как же силён должен быть тот, кому превозмочь надлежит оковы эти – свои и чужие? Но нет силы в вас даже страдания его различить!

«Слепота преступна, ибо творит она ложь!» – вот что сказал я городу, где удушливая гарь молодой огонь задушила.

«Ложь трусу милее, чем ничто безответное, ибо себя он боится. Эгоисту же милее ничто трусости лгущего! Идите потому прочь от трусов, разрушители иллюзий, они не нуждаются в вас! Что можете вы дать им взамен лжи их?

Если мысль ваша не пламя, а лёд и ледяные замки, что же пытаетесь согреться вы у чужих костров? Но если же пламя – мысль ваша, помните, что не пламенем, а чистым пламенем должен быть огонь её, пламенем без гари и дыма, не то сами задохнётесь вы в своём смраде, разрушители прежних иллюзий!

Посмотрите-ка хорошенько на стены, что разрушаете вы, разрушители иллюзий! Неужели же хотите вы сами уподобиться каменщикам? Отчего же, разрушая стены, хотите вы сызнова выстроить тюрьму своей жизни?

Когда доходит до дела, иллюзии – плохой союзник! В деле проявляют они свою иллюзорность, ибо не дают они того, что вы ждёте от них. А потому скажу вам: «Когда плетёте

вы, тогда не плетите, но разрезайте!»

Нет в жизни места иллюзии, а потому создаёт она свою жизнь – жизнь иллюзорную. Душно мне в ней, душно! Дурно жить среди шулеров, ибо среди них сам становишься шулером: когда теряется нить – то запутывается!

Узелками на память называю я грозди иллюзий ваших и заблуждений. Штопаете вы жизнь, но отчего ж прохудилась она в руках ваших? Не от того ли, что разобрали вы механизм часов ваших вместо того, чтобы смазать его маслом?

По косточкам хотите вы жизнь разобрать, словно и не знаете вы, что жизнь не в костях, а в биенье сердец! И биенье это не разберёте вы по частям и не воспитаете, а можете лишь приглубить!

Когда сказал он: "Сжечь не значит опровергнуть!" Слышно было в словах этих: «Опровергайте!» Таков зов души эгоиста: сможете вы опровергнуть – опровергайте, не можете – слушайте, а страшитесь слушать, что ж притворяетесь вы зрячими?

Не страшна ошибка, страшна ложь намеренная! Не страшна ошибка тому, кто зряч, кто же слепнет в ошибке своей – тому и пламя костра не вернёт его зрения, что ж сжигаете вы заблуждающихся, если не оттого, что боитесь? Исправлять ошибку из страха значит делать ошибку, так не следует ли сжечь вам всего прежде себя, страшась?

Ошибается тот, кто сопротивляется! Не из сопротивления должно исходить действие ваше, а из вас Самих, ибо вы Сами и есть жизнь, а значит, поступая так, идёте вы рука об руку с жизнью, но не вопреки ей. А если же жизни своей идёте вы вопреки, так значит и не живёте вы вовсе!

Если же скажут вам, что жизнь доказывает вам ошибку вашу, то спросите вы у все-знаек этих: «Как научились вы разговаривать с жизнью?» Пусть подскажут вам. Если же начнут говорить они об истинах, ценностях и законах, то нет вам нужды продолжать разговора. Кто ж со слепым говорит о Солнце?»

Так говорил я в городе, где огонь согревает разрушителей иллюзий.

Готов ли ты, друг мой, смотреть на Солнце поверх тёмных очков иллюзий своих? Не страшно ли тебе ослепнуть, друг мой, чтобы видеть? Что пугает тебя, кроме страха твоего, друг мой?

Твой Заратустра

О ПОЭТАХ

Энгадин

Вот я и в городе Пёстрой коровы!

Привет тебе от гор, что с лугами сожительствоуют, создавая их! Привет от озёр, что утопают в стройности сосновых лесов, питая корни деревьев! Привет тебе от снежных полей, что окутаны тонким туманом! Привет тебе, возлюбленный друг мой!

Так хорошо мне в тихом уголке этом, так хорошо! Одиноко здесь, но не пусто, свежо, но не влажно, светло, да не душно! А когда смотрю я на птиц, что кружат в поднебесье и хватают взор мой крылами своими, то чувствую я, как душа моя танцует нежную свою песнь!

Здесь повстречал я тень старика, что сотню лет уже не покидает свою обитель – горы и воды, леса и небо. Мал он ростом и сед, лоб высок его, а усы – длинные. Не от того ли, что был он поэтом? Стекают слова по усам поэта и сушат уста его.

В чём ищет себе опоры поэт, что ж недостаёт ему его Самого? Разве же неведомо тебе, разгорячённое сердце, что Другого искать можно лишь молча?

Слова наши заменяют Другого нам. Но неужели же нет Его вовсе? Неужели же нет иного у нас способа найти Другого, как только выдумать? А как выдумать Другого, если он Другой? Вот чего не может понять поэт всякий, что сам он – Другой, а в словах своих теряет он Себя самого.

Кто не глодал кости поэта? Кто не восхвалял его умершим? Кто не сетовал на него

живущего? Такова участь поэта – потерять себя, публично быть порицаемым и воспетым быть, но когда уже поздно.

Памятники нужны живым, мёртвым они ни к чему. Только героям ставят памятники их при жизни, однако же забывают о них после смерти. У поэтов иная доля, и нет её горше неведение о своей славе.

Продать себя – вот искушение поэта тягостное, но ещё горестнее судьба проданного! Искушение – мука Господня! Кто сказал, что должен художник голодным быть? Тот, видно, кто не был художником, но маляром да штукатурщиком! Несчастен поэт, вынужденный продаваться! «Потерянным поэтом» завёт Заратустра таких поэтов.

Но хуже нет поэта, что думает о публике или о вечности творений своих. Покорить хочет он и завладеть, чем же он лучше насильника? Как же богато раскрашены его одежды! Но сколько насилия в нём и тщеславия душегуба, что лишь на слабую жертву и способен позариться! «Малодушными поэтами» называет поэтов таких Заратустра.

Видел я среди поэтов и таких, что Богу бросили вызов, – вот насмешили меня сумасбродные эти поэты! Даже если бы могли оседлать они ветер, куда повезёт он их? Что ж Богу-то бросаете вызов вы, самозванцы? Или может мизинец грозить голове? Ни жить, ни действовать без неё он не может, а уж грозить и подавно! «Безумными поэтами» таких поэтов называю я, Заратустра.

Но есть и такие поэты, имя которым – гордость. Гордая птица – такой поэт, но полёт его не творчество, а поиск Другого для самого Себя. Но труды поэтов – не путь к Другому, а путь в никуда. Такова ошибка поэта этого: не то ищет он, не тем и не там, а потому и находит он разочарование!

Стать самим Собой, высечь себя Самого из камня и сохранить для Другого – вот первое дело поэта! Но кто ж из поэтов поступал так? Кто ж начал с этого, думая о публике только? Кто о публике думает, а не о самом Себе, тот теряет Себя самого, а поэзия его ложью зовётся, призванной обольщать, неспособная играть пестротой духа!

Так говорил я к старику этому из города Пёстрой коровы:

«Поэт, отчего нужны тебе были другие, когда не было среди них Других? Кого искал ты в них, если не Себя самого? Но как мог ты найти самого Себя там, где тебя нет? Нет тебя и в Другом, но и с ним можешь ты быть, лишь если будешь ты самим Собою! От других же можно только бежать, но как убежишь ты от самого Себя?»

Долго молчал в ответ мне старик этот, и сокрушённым выглядел лоб его, и трепетали длинные усы седые его над старческими губами.

«Нет во мне слёз более плакать, – сказал мне старик. – Растерял я свою глубину, ибо бился о стену. Надо было уйти мне, но что свобода для поэта, если не пустота!»

Долго молчал я в ответ на слова эти. Скептицизм – вот отчаяние поэта, вот его одиночество.

«Радовался ли ты, старик? Танцевал ли? И неужели же никто не захотел танцевать рядом с тобою, глядя на танец твой?»

Пожал плечами старик, и медленно пошёл он в долину, где паслись пёстрые коровы. А я стал плакать о судьбе поэтов – этих лучших из людей, которые лучшего-то и не разглядели в себе, самих Себя не разглядели они!

Потом посмотрел я на горы, на небо, на солнце, что залило светом своим луга изумрудные, и увидел, как танцует Мир танец свой, и, танцуя, покинул я город, где дух пёстр, да слишком рябой!

Большой и красочный хвост отрастил павлин себе, чтобы навлекать на себя взгляды, да только не может теперь он летать, тяжеловесный, и оттого не ощущает он на себе взора Другого, а только глаза других – так смотрит толпа на поэта!

Готов ли ты обрезать хвост себе, пожертвовать красочностью одеяния своего, которое не есть ты, а есть балласт твой, чтобы взлететь, дорогой мои друг? – вот о чём спрашивает нежное сердце моё, что жаждет твоего полёта.

Твой Заратустра

О ВЕЛИКИХ СОБЫТИЯХ

Мадагаскар

Привет! Есть остров на море, что порождён был огнедышащей лавой земли и пребывающий в родах, – вот место для мятежных духом! Здесь я, и жжёт мои ноги чёрный песок, раскалённый солнцем.

Когда псы огненные лаять начинают из своих подземелий, фыркать и брызгать слюной огненной, тогда и мятежные духом становятся кроткими. Чего же стоит мятежность их? И как ничтожна кротость эта!

Видел я людей, что купались во лжи, как тюлени в северном море, как кони во ржи! Купались лгущие эти в своих испражнениях! Видел я людей, что ждали, когда солгут им, только бы не слышали они правды! Подобны они кротам в грязных норах, и носы у них узкие. Скучно среди них Заратустре!

Скучно мне среди лгущих и жаждущих лжи, ибо хотят они обхитрить время, а времени нет! Так кого же обманывают эти пройдохи?

Вот что думает Заратустра о хитрецах этих, что поймали себя за хвост и хихикают:

«Не умеете видеть вы настоящее, а балансируете между прошлым и будущим, словно бы оно есть. Над пропастью повисли вы и не заметили этого. Нет опоры у ног ваших, кроме лживых мостов из лжи вашей, из устремлений ваших безумных!

Как же хитры вы обращаться с прошлым и будущим, строить планы свои наперёд и ретроспективно смотреть большие вы знатоки! И неведомо вам, наихитрейшим, что не могут в настоящем уместиться прошлое с будущим, а только уничтожить его небытием своим! Ибо ложь – предательство настоящего!

То, что можно сделать сейчас, нельзя сделать завтра, ибо завтра всё будет иначе! То, что, думаете вы, было возможно вчера или завтра возможно будет, – игра лишь большого воображения вашего! Нарвите мне васильков, если не цветут они сейчас, вчера отцвёл последний, а завтра земля покрыта будет снегом! И посмотрю я на вас, хитрецы и пройдохи!

То, что можно сделать сейчас, можно только сейчас сделать, а то, чего нельзя сейчас сделать, сделать нельзя! И как ни крутитесь вы на сковороде хитрости вашей, как ни кусайте вы локти, за сердце себя вы никогда не укусите, только если ужалите – в этом-то вы мастаки!

Идёт день за ночью, а не ночь, аппетит не появляется после сытного обеда – и ничего с этим вы не сделаете, как бы ни старались, наперстники лжи!

А когда говорите вы, что вчера можно было поступить иначе, то лишь потому, что из-за глупости вашей не понимаете вы, что тогда не это действие, а весь мир целиком другим должен был быть! Ибо ничто не случается случайно, а всякое действие есть результат мириады сцепленных друг с другом событий.

И когда говорите вы мне, что могло быть иначе, я смеюсь! Когда же говорите вы, что выйдет так, как говорите вы, я покатываюсь со смеху. А те, кто зовётся у вас историком, ничуть не интереснее для меня, чем игрок на скачках, только что ставит он на лошадей дохлых!

И когда говорите вы мне, что должен был я поступить умнее, то заключаю я, что глупее вы, чем стадо овец! Ибо даже овцы не возвращаются на пастбище, где они уже съели всё!

И когда говорите вы мне, что нужно поступить так-то и так-то, чтобы желаемого добиться, то я заключаю, что дело имею с большим прохвостом, чем скупой старьёвщик! Желаемого добиться нельзя, ибо случается то, что случается. А если не хотели вы того, что случилось, – то глупы вы сверх меры всякой, ибо сами себя вы расстроили и блага своего не углядели вы!

Так смеюсь я над всеми, кто играет в прятки со временем, и называю я безумцев таких «идеалистами»!

Прочь идеализм, прочь к чертям! Пусть отправляются идеалисты в Ад, там место для заядлых глупцов, но нет им места под Солнцем! Жизнь не знает идеализма – она живёт!

Таковы великие события ваши – мыльный пузырь! Воспевать и славить то, что не могло не случиться, – дело умалишённых и великих прохвостов!

Почему же думаете вы, что жизнь нужно толкать ногами? Не себя ли в ней видите вы? Почему не думаете вы, что она и без ёрзанья вашего бессмысленного жить будет прекрасно? Да, нужно прежде вымыть вам голову вашу, а лишь затем о ногах думать!

Дышат огненные псы под корою земною, что дороже червлёного золота, движутся материки, как небесные тучи в бескрайнем небе, планета летит в бесконечном пространстве, и Солнце танцует в кружении собратьев своих!

Дышат огненные псы, видно, приглашают они вас на своё пиршество, идеалисты! Идите же в Ад, изголодались уже собаки эти по глупости вашей, призраки!

О, как же ничтожны "великие события" суеты вашей перед дыханием жизни! Стихией называете вы жизнь, я же себя ощущаю стихией этой, ибо нет во мне разделённости!»

Как же хорош этот остров, как хорошо отрезвит он мятежные головы в своё время!

Будешь ли ты играть со временем, друг мой? Будешь ли ты идеалистом? Или хочешь ты ещё быть человеком, эгоист?

Твой Заратустра

ПРОРИЦАТЕЛЬ

Бремен

Привет тебе, друг мой, из города, где даже животные, танцуя, потешаются над людьми!

Здесь путешествовал я, здесь повстречал я людей, что зовут себя стражами природы. Интересны показались мне стражи эти, настойчивость их подкупает, равно как и чистота помыслов. Собрались они слушать прорицателя своего, и я пошёл вслед его слушать.

И вот что говорил он:

«Дурно поступаем мы с землёй нашей, дурно! Её уродуем мы жадностью своей и ненасытностью! Истощаем мы запасы природы, иссушаем земли, загрязняем воды!

Дурно поступаем мы и с самим человеком. Вырождается человек от жалости человека! Больных и калек выхаживаем мы, копим балласт в крови нашей. Будут дети наши уродами!

Но хуже жадности нашей и жалости плодовитость наша! Много рождается, мало умирает. Скоро нечего будет есть нам! Не может земля прокормить всех, скоро и воды не достанет всем!»

Слушали пророка этого ученики его, стражи природы, и хлопали в ладоши свои влажные, до красноты били.

Я же дивился на слова его. Чьи слова слышал я, если не слова жадного? Для чего хочет он беречь природу свою, если не для себя? О ком думает он, изгоняя больных и калек, если не о себе? Кого лишним считает он на земле, если не других? Смешон жадный, осуждающий жадного, если не понимает он этого, и гадок, если понимает.

И вот что сказал я стражам сим, когда умолк оратор, слывший учителем, и зовётся у них проповедником:

«Как же заботитесь вы о природе, если думаете о себе, а не о ней? Или лжёте вы, или же заблуждаетесь.

Плох идол, но хуже, когда их два! Вы же числа не знаете идолам вашим! И отличить не можете вы обед от убийства: когда обедаете вы, то кажется вам, что убиваете, а когда убиваете вы, то не видите, что так вы обедаете. Вот почему говорю я, что имя вам – "ненасытные"! Нельзя заботиться о человеке, но думать при этом не о человеке самом, а о "здоровом", "хорошем", "достойном" вас человеке. То, как оно есть, должны сказать вы, а не писать на знамёнах своих лозунги с пропусками и многоточиями!

Я же скажу вам, что нет между людьми разницы никакой, ибо человек – это не то, что о нём вы думаете, а то, что есть он! Если же нашли вы различие между людьми, то уступили вы страхам вашим!

Вот почему, когда слушает вас Заратустра, думает он: хороши речи ваши, да нет в них честности, ибо вы непоследовательны.

И вот что скажу я вам: "Верно, суждено умереть человечеству, видимо, устроено оно так. Но коли смерть его неизбежна, так пусть уж лучше умрёт оно от заботы о человеке, чем от заботы о страхах его!".

И вот ещё что: если и вправду заботитесь о природе вы, а не о собственных страхах и знаете вы, что надорвётся природа, вас прокармливая, то лучше б вам самих себя умертвить, чем так разглагольствовать да есть при этом! Но нет, продолжаете вы существование ваше, а значит, лжёте вы, когда говорите, что думаете о природе, и только!

Не осуждает Заратустра вас за желание ваше питаться, тем более за желание ваше жить, но вот ложь вашу перенести ему трудно! Лучше уж признать то, как есть оно, чем тешить себя иллюзиями! Нет от них проку, а ложь насилие порождает. И нет насилия хуже того, что делается с благообразной миной!»

Так говорил я пророку их, но сделал он вид, что не понял меня, или вправду не понял, как это бывает у идеалистов.

Тогда вышел на улицу я и увидел, что танцуют там осёл ушастый, пёс шустрый, кот своевольный и петух звонкоголосый. Увидел я и смеялся теперь вместе с ними, ибо не думают они о смерти, а потому нет в смехе их страха! Добрый смех – добрый, даже если смех этот над глупцами, но смех бесстрашный!

Готов ли и ты, друг мой, танцевать с тем, кто не боится смерти, ибо не думает он о ней, а живёт той жизнью одной, что дана ему рукою щедрою, как подарок, но которую сделали трусы из подарка себе наказанием?

Твой Заратустра

ОБ ИЗБАВЛЕНИИ

Страсбург

Привет, мой друг, привет! Прибыл я в город, где даже суд судит суд!

Хорошая, надо признать, затея – судить суд – лучшего безумия и не придумаешь! Никому и в голову не придёт разбавлять воду водой, ибо бессмысленность и абсурдность этого ясна каждому. Какой же смысл осуждать осуждение?

Абсурд – вот имя, которое заслужило себе человечество. Бояться человек – боится, хотя проку от того никакого, а смысла и вовсе нет!

Чем же страх может помочь ему решить проблемы его? Только мешать будет страх! Кто ж делать будет то, что лишено всякого смысла? Тот, кто видит смысл в бессмыслице, – в этом-то и есть идеализм ваш!

Так же и с осуждением осуждения – нет в нём проку, ибо для того, чтобы забить гвоздь, не другой гвоздь нужен, а молоток. Будь у тебя хоть сотня гвоздей, хоть тысяча, что сделаешь ты с ними без молотка?

Но разве же видит глупость свою тот, кто спорит с глупостью? Оспаривать глупость – значит ставить себя в глупое положение, так идеализм водит вас за нос!

Если кто-то усмотрел у одного в глазу сучок, а у другого – бревно, у того самого, верно, вместо глаз – лесопилка! Беда не в том, что грешник судит, беда в том, что так свои ошибки он оправдывает.

Что ж оправдывать ошибки тебе свои, если всё равно тебе платить придётся по счетам своим? Оттягивая расчёт, только проценты ты увеличишь!

Но прислушайтесь к благородному негодованию идеализма вашего – будут вам тогда и проценты, и долги несметные, много процентов набежит, не расплатитесь!

Отчего же боится человек, хоть и бессмысленно это? Отчего осуждает он осуждение, множа ересь? От идеализма! – Вот, что говорит Заратустра.

Нет смысла в вещах бессмысленных, но могут они выставить бессмысленность состоятельной. Вот от чего смеётся Заратустра над идеалистами, ибо множат они ересь, прикрываясь «высшим смыслом», имя которому – глупость! Лучше б уж прикрыли они головы

свои стыдливо фиговыми листьями, идеалисты!

Круглое здание есть в городе этом, где суд судит суд. Лестницы выстроены здесь спиралью: видно, хорошо понимали архитекторы абсурдность осуждения! Но не видна она судьям, что шныряют тут в мантиях чёрных подобно маленьким летучим мышам или, хуже того, монахам.

А зал устроен здесь Колизею подобно: коллизией здравого смысла и борьбой гладиаторов тупоголовых – зову я пиршество это суда!

«Здравствуйтесь, здравствуйтесь, господин Заратустра! – самодовольно приветствовали меня судьи. – Нравится ли вам у нас? Мы приготовили вам мантию и шапочку чёрную для Мудрости вашей с париком седым!»

«Мудрость моя слов ваших не знает, – так отвечал я судьям этим, смеясь, – так что нет вам нужды прикрывать рот её шапочкой! И сединой меня не пугайте, ибо мудрость моя молода и старости ей не узнать!».

И увидел я, как выкатились глаза их после слов моих и стали большими, как арбузы, уши вытянулись, подобно раковинам моллюска диковинного, а лапки затрепетали, как языки муравьедов.

«Что ж не нравятся тебе слова наши, Заратустра? – заскрежетали они зубами. – Научи нас своим словам, коли так!»

«Не могут не нравиться мне слова ваши, судейщики, ибо мне они непонятны. Мои же слова вряд ли придется по вкусу вам, ибо не захотите вы понимать их!» – так ответил я судьям.

Они же настаивали, и вот что говорил я им в зале суда их:

«Знаете вы, как нелепое сделать значительным, – нужно слова подобрать достойные!

Закон и справедливость, порядок и принципы, права и обязанности, наказание и возмездие, мораль и нравственность, честь и достоинство, благородство и добро, истина и правда – всё это порождения идеализма вашего, слова оправдания страха вашего!

Много знаете вы пустого, но одного настоящего не знаете вы! Нежности не знаете вы, лишённые чуткости! А что можете вы без неё сделать, кроме как быть глупцами?

Нежному не нужна мораль, не нужен закон нежному, не нужны ему ни справедливость, ни истина ваша, ибо он чуток! Нужен поводырь слепому, а зрячему только свет нужен!

Кто поступает дурно лишь для того, чтобы поступить дурно? Я не знаю таких! А если поступил кто-то дурно, значит, были у него на то достаточные основания. Что ж осуждаете вы его, слепцы, вместо того, чтобы видеть? Измените основания поступков его, раз думаете, что не прав он, а коли не можете, так что же вы судите? Слабость свою скрываете вы за силой мнимой слов ваших пустых, как сосуды битые!

Всё хотите вы уравновесить, это кажется вам справедливостью и честным судом, да вот только лгут весы ваши! Что ж осуждаете вы другую меру, коли ваша с потолка взята? Сказано вам: "Какою мерою мерите, такой и вам мерить будут!". Я же скажу вам: "Зря надеетесь!".

Беда не в том, какова мера, беда в том, что взвешивать будут вас, как мясо! А слова ваши о добродетелях ваших – мясник в грязном халате! Впрочем, кто ещё может быть нужен трупам?

Не умеете вы дорожить Другим, а только собой и дорожите вы да страхом своим. За Другого нельзя бояться, Другим только дорожить можно. Но не делаете вы этого, ибо страшно вам за себя!

Хорошие слова придумали вы, чтобы сделать страх ваш возвышенным! Радуйтесь, теперь с высоты своей он и придавит вас!

Что толку в добродетелях ваших, которым нашли вы слова звучные, если не испытываете вы благодарности? Чувство благодарности вашей скоротечно, и длится оно пока дают вам.

Легче вам заплатить, чем быть благодарными. Хорошие слова придумали вы для симуляции благодарности: «Спасибо», «Вы так добры», «Мир вашему праху» – серебряниками зову я их!

О воле говорите вы, ей поёте вы песни свои и псалмы, и слышится в них погребальный звон! Так знайте же, что лишь бесчувственный слепец и говорит о воле, но не человек! Призывает бесчувственный волю, чтобы изобразить свою жизненность, изобразить, да и только!

«Воля требует дела!» – так говорите вы и слова придумываете, к которым могли бы вы

приложить волю вашу. Пустоту прикладываете вы к пустоте, идеалисты!

Пугаетесь вы слова моего «эгоист». Пугаетесь, ибо показывает оно, сколь пусты слова, что придумали вы в бесчувственности своей, сколь абсурдны точки приложения воли вашей!

В двух мирах существуете вы, и не в одном из них не живёте: снаружи вас царствует справедливость, и борется она с несправедливостью; внутри вас обида царствует, и сражается она с виною вашей. Так борется пламя с дровами, борется, чтобы самому и угаснуть в смерти чужой!

Два закона сковали вас подобно цепям: закон внутри вас и закон, что снаружи, – вот молот ваш и ваша наковальня! Вы же меж них притаились, молясь о прощении. И летят во все стороны потроха страха вашего, когда сходятся два закона ваших в один! Вот апокалипсис безумия вашего, невидящие настоящее!

Только страх ваш един, а сами вы разорваны в клочья! И слова ваши – лезвия, что режут на куски плоть вашу! Такова справедливость ваша, таков закон, так поступает мораль ваша с вами!

Слюни, испражнения и желчь – вот плоды трудов ваших! Ибо не Других осуждаете вы, ибо не Других наказываете, не Других приговорае бессилием воли своей, а самих Себя!

Страх – вот ваш крест, вот Распятый ваш, которому молитесь вы, вот он, Царь царей существа вашего! Ибо нет для вас Другого, не существует Его для вас.

Пустыня – вот она, подлинная обитель ваша! В одиночестве собственного страха вашего созиждется жизнь ваша, которая не жизнь есть, а смерть!

Как можете жить вы без нежности, без благодарности? Как можете не бояться вы, если так одиноки, как вы одиноки!

Ничего для себя не в силах человек сделать, ибо не для себя, а для страха своего он только и может делать. А потому Другой и есть подлинная жизнь ваша, а потому дорожить им – значит дорожить Жизнью!

Не об избавлении следует думать вам, но о Другом! Ибо Другой есть избавитель ваш от страха вашего. Только страшась внушает он страх, и мстите вы Другому за страх свой, трусы! «Духом мщения» называете вы конвульсии страха вашего и трепетание воли бессильной вашей!

А потому вот что сделали вы с Другим духом мщения своего: вы, страхом разъедаемые, обточили его алмазными лезвиями слов ваших, чтобы похож он был на вас и тоже был трупом! Осудили его вы за инаковость, но и теперь ещё продолжали вы бояться его, и бежали вы прочь с места кровавой расправы вашей!

Вот что есть идеализм ваш – бегство! Так бегите ж, бегите от своего избавителя! Хочет Заратустра видеть, как сверкают пятки страха вашего! Ибо кто не хочет избавиться себя от страха, тот не избавит! И нечего клеветать на Жизнь, судьи самих Себя!»

Твой Заратустра

О ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ МУДРОСТИ

Тегеран

Солнце привет тебе шлёт из города, где мудрецы молчат, не желая обманывать!

Тепло мне в городе этом и хорошо. Небо голубое здесь кажется белым, равно как и жёлтый песок. Света не бывает много!

Нет в городе этом, где хранят мудрецы своё молчание, не желая лгать, ни высоты, ни глубины, ни плоскости: кажется, что время остановилось здесь.

Точки отсчёта делают нас зависимыми, что бы ни отсчитывали мы. Торопится только тот, кто отсчитывает. Но что считать человеку и куда спешить?

Он точка своя отсчёта, и он же последняя своя точка. За пределы себя не уйти, но надо ли пределом себя ощущать? Тот, кто видит границы, видит одни лишь границы!

Стоит ли уходить от самого себя, чтобы вернуться к себе Самому? Но нет же, выходят

люди из себя самих и не могут дороги найти обратной. Не знают они, что нельзя покинуть себя Самого, но лишь позабыть о себе можно! Глупцами зову я тех, кто позабыл о себе, и глупость эта неведома эгоисту.

Вышедший за пределы себя Самого – вышел в ничто, и ничем он становится. Тот, кто не знает, что всё он делает для себя, тот думает, что всё делает он для других, но разве может ничто сделать что-то?

Если хочешь сделать ты для Другого что-то, должен ты знать, чего Другой хочет, и должен ты сам хотеть того же. Только так и можно переступить границу, которая страхом установлена между двумя! Только так и побеждается страх, только так и становится человек мудрым! Какие же мудрости человека известны мне? Моя первая мудрость для человека такая: если хочет человек быть обманутым, то непременно его обманут!

Не пытайтесь образумить обманщиков, не пытайтесь вразумить обмануться желающего: обе стороны на вас ополчатся!

Всё, что вижу я, – обман, всё, о чём думаю, – тоже.

Текст, каким бы ни был он, без подтекста не существует. И всегда больше подтекст текста своего, ибо в нём текста автор.

Автор – немая, но убедительная оппозиция своему письму, ибо сам того не желая, смотрит он на текст свой со стороны.

Поэтому, если хочешь понять ты автора, должен ты идти к нему, но не искать его в тексте его, ибо нет его там!

Так же и с видимым, ведь видимое – тоже текст, с той лишь разницей, что два автора у него – это жизнь подлинная и ты, смотрящий. То, что видишь ты – лишь оппозиция тебя жизни. Себя не пытайся искать в видимом, а загляни внутрь Себя самого, там нет места для плагиата, но не читай – ибо получишь видимое! А в видимом не больше ценного, чем в пузыре мыльном!

Желающие обманывать и обманываться анализируют тексты, теряя самих Себя, а потеряв себя Самого, ничего нельзя обрести!

Моя вторая мудрость для человека такая: несчастным нельзя быть без собственного на то согласия!

Несчастье – это чувство, его я переживаю. Но это не ощущение, не то, что испытать можно. Для ощущений нужны мне события жизни, а для чувств вполне мне достаточно меня самого. Во мне разыгрываются трагедии, во мне празднуются победы – я их разыгрываю, а потому только я и создатель собственного несчастья. Боль страдания нетождественна, а ласка нетождественна счастью. Здесь я решаю, какое ощущение каким переживанием станет. А потому если я хочу страдать, то всегда найду для себя повод и буду несчастен. А если хочу я счастливым быть – я им буду, и то несомненно!

Человеку даровано нечто, что из благодати сам он и превратил себе в муку. Дано ему создавать то, чего нет в мире – ткань переживаний. Это поле взлётов его и падений, это дитя его и могильщик!

Животное, невинное животное, живущее ощущениями, не знает горок этих, а человек – творец их! Но кто может заставить его вечно падать, если не он сам? Счастье нужно созидать, а тосковать по счастью – значит не иметь стремления быть счастливым. Мать всех трагедий – глухота человека к своим стремлениям подлинным. Ибо если спросить его, чего он хочет, он перечислит всё, о чём думает, но не ощутит ничего, что было бы подлинным его стремлением.

Если б человек желания свои ощущал, то был бы он человеком, но он чувствует только страх свой безмерный, способный задушить даже ветер!

Страдает человек идеализмом, слова проглотили стремления его, погребли они человека, подобно руинам, и теперь разъедают его, словно нарывы. Как же теперь не бояться ему? Нелепо взывать о сочувствии, если не чувствуешь ты ничего, кроме страха!

Так что согласие на своё несчастье собственное человек даёт сам, и Заратустра не будет его слову перечить, ибо слова – то, что губит, какими бы благозвучными они ни казались!

Третья мудрость для человека такая: боится лишь тот, кто не ощущает Себя самого!

Физиологичен страх человека, но что ему угрожает? Нет реальных угроз у человека, ничто не угрожает ему, а случайности бояться бессмысленно – её не предугадаешь, на то она и случайность. А кто боится случайности, пусть уж сразу отправляется в мир иной, всё равно

жизнь будет ему в тягость!

Большие запросы, стремление обладать всем – это и порождает страх, страх неудовлетворения всех намерений. Но отчего запросы и стремления эти, если не от продумывания собственной несостоятельности, не от истолкования конечности своей как слабости?

Я – собственная моя опора и другой у меня. Так и каждый! Но ищите вы опоры вне самих Себя: ищите одобрения, ищите свидетельств собственной состоятельности, ищите вы гарантий. Но вынесите центр тяжести предмета за пределы его, что получите вы? Упадёт предмет ваш! Так и все падают, не успев и подняться.

«Пусть я мал, но я настоящий!» – так должен говорить человек. Самого Себя обрести нужно, чтобы идти, а стремиться ввысь, не научившись хотя бы ползать, не выпестовав крыльев, – верный путь умереть не родившись!

Сила – производное целого. Но смотрю я на людей и вижу, что раздроблены они, рассыпаны мелким бисером по щелям. Откуда ж взяться силе? Много у них «Я», но самих Себя нет у них. «Феодальной раздробленностью» зовётся такое правление, грош цена государству без государя!

Но не властвовать, а использовать – вот что должен делать государь человека! Однако ж нет, власть, воля, завоевания – вот кумиры существа, зовущегося эгоистом, но эгоистом отнюдь не являющегося.

Какой же эгоист в уме здоровом воевать будет, если силы он не имеет? А разве же сильный будет воевать? Страх взывает к борьбе, но не сила. И если мир ваш – борьба, значит страшитесь вы, а значит, силы не имеете, потому и погибните!

И вот последняя мудрость для человека, что известна мне, Заратустре: нельзя быть Собой, если нет Другого!

Отчего боится человек наготы своей? Хочет он быть для другого одетым, ибо думает он, что таким хочет видеть его другой – одетым.

Но откуда взялся этот «другой», о котором мне известно было бы всё – чего хочет он, в какой форме и в каких количествах, если не из больного воображения моего?

Истинно Другой неизвестен мне, и в этом Он весь. А потому, пока не позволяю я другому быть Другим, я и самим Собой быть не могу, ибо сам от себя зависим!

Истинно, истинно говорит Заратустра: Другой существованием своим созидает меня Самого. Пока же потерян человек в фантазмах своих, не может он быть собою Самим!

Когда же Другие вокруг меня, сам я становлюсь Другим, так я ощущаю самого Себя! Но боитесь вы быть Собою, стыдитесь вы наготы своей – от того и слабость ваша, и отсутствие опоры, и страх, от того и несчастья ваши, и море лжи, в которой сами вы себя утопили!

А потому единственная мудрость человека – это желание раздеться, откинуть от себя всё человеческое, чтобы ощутить наконец самого Себя!

Кому же стыдно самим Собой быть, тому негоже именовать себя эгоистом! Тому следовало бы называть себя «трусом» и бежать прочь, прочь от жизни, от Другого и от радости подлинной, что только Двум известна!

Так думал я среди молчавших мудрецов. Кажется, готовы они быть самими Собой, но вот есть ли у них Другой – родитель радости? Верно, нет, а потому думал я не о них, а о тебе, друг мой, в городе этом, где Свет больше, чем свет, а молчание больше любой речи пламенной.

Твой Заратустра

САМЫЙ ТИХИЙ ЧАС

Лондон

Привет тебе, друг мой, из города смеха украденного!

Хорош город этот смеха украденного, да скучны лица людей его. Ходил я по улицам города этого и увидел я вывеску: «Клуб хорошего». Обрадовался я, ибо думал, что нашёл

наконец святую обитель радости, обрадовался и поспешил за стеклянные его двери.

На входе встретило меня объявление учтивое, как и всё в городе этом: «Извините, но в клубе нашем говорить можно лишь о хорошем!» И ярче ещё рассеялась моя радость: «Скорее, скорее!» – звала она шумливое моё сердце.

Вошёл я в зал, что по счёту был первым, и был он полон людей, нарочито сидящих напротив друг друга в удобных креслах. Тишина...

Подивился я и прошёл тогда дальше, в зал следующий. И что же? Картина такая же, только кресла другие! Третий зал, четвёртый! Второй этаж, третий! Одно и то же! – нет пустых мест и тишина полная, булавку упавшую можно услышать!

Стал я тогда смотреть в лица людей, и пронял меня великий испуг: глаза их чуть не выпрыгивают из орбит, скулы напряжены, губы подёргиваются!..

«Что ж это – воды они в рот набрали? – подумал я. – Что сдерживают они с таким напряжением, с усердием? Не иначе как тайну великую!».

Удивлённый, пошёл я к выходу, и снова перечёл тут учтивое объявление: «Извините, но в клубе нашем говорить можно лишь о хорошем!»

И стало мне ясно вдруг, отчего молчат посетители клуба этого и что сдерживают они в затворённых своих ртах! И расхохотался я так, что сотрясался город этот смеха украденного!

Так, смеясь и танцуя, пошёл я в сад детский, что здесь неподалёку, и, взяв с собой малышей беззаботных, вернулся в клуб этот «хорошего».

«Вот, милые мои дети, смотрите, что станется с вами, если будете вы подражать родителям вашим и страхам их!» – так сказал я ребятам и впустил их в просторные залы.

Побежали малыши гурьбой беззаботной по залам и этажам, глядели в напряжённые лица мужчин и женщин и хохотали как заводные, показывая пальцем в зачерствевшие маски их лиц.

И наполнились залы клуба этого детским смехом, так оправдали они его название: «Клуб хорошего»!

Готов ли и ты, друг мой, смеяться, танцуя, в тишине страха? Я мечтаю услышать твой смех!

Твой Заратустра

СТРАННИК

Прошёл целый месяц, я изменился. Впрочем, каждый бороздит свой собственный океан, так что внешне перемены во мне вряд ли заметны. Да и кому какое до меня дело?

Нет во мне прежней суеты. Я вполне собой доволен, от себя ведь не убежишь. Да и надо ли убегать? В целом я вполне счастлив. О будущем не думаю, какое-то будет – куда денется?

Я живу, с удовольствием хожу на работу своей «канатной дорогой» через дворы Васильевского, как говорит Заратустра, «пританцовывая и смеясь». Я радую, чтобы радоваться, мы всё делаем для себя.

После внезапного отъезда Заратустры я, конечно, сильно переживал, сначала обижался, потом принял его отсутствие как факт и опечалился, что, в сущности, совсем глупо.

Глупо печалиться данности: я же не знаю, как будет лучше, а как хуже, я же не оракул. Любое событие, как его ни оценивай, открывает новые возможности, их нужно видеть, и нужно жить.

Глупо сердиться на того, кто тебе дорог. Его поступок не мог не иметь достаточных оснований. Я же не считаю друга своего сумасшедшим! Кстати, я и сам одно из оснований его поступка. В случае принятого им в отношении меня решения – наиболее существенное.

Да и вообще, глупо печалиться! Печаль делает человека глухим к жизни. Печаль – это оценка, оценивать можно только случившееся, но случившегося уже нет, оно прошло. Глупо печалиться, жизнь созидается.

Его отъезд, его письма открыли мне глаза: чтобы ощутить Другого, нужно отказаться от своих беспочвенных притязаний. Глупо искать, если ты ничего не терял. Но нельзя и отказываться, не изведав!

Когда умирает для меня другой, его образ во мне умирает, тогда и рождается Другой – необычный, неожиданный, а я ощущаю самого Себя, я тоже перерождаюсь. Победить в себе человеческое, чтобы быть человеком. Теперь я внимательнее к самому Себе. Как ни странно, это занятие оказалось весьма увлекательным. Если отсчитывать мир не с произвольно взятых точек, а из самого Себя, то ощущаешь себя настоящим датчиком.

Заратустра сказал как-то: «...радость, а другого критерия нет!» Точно. Ведь дело в конце концов не в том, прав я или виноват (при желании всегда можно себя оправдать), дело в том, что я ощущаю.

Если я ощущаю радость, значит, всё правильно, а если нет, или радость моя с «примесью», значит, я делаю глупость. Если ощущаешь и то и другое, то, по всей видимости, речь идёт о глупости в квадрате.

Что ж, за свою глупость я плачу сполна! Всякий раз эта неминуемая расплата всё резче отбивает у меня охоту продолжать в том же духе. Может быть, со временем я и вовсе разучусь делать глупости.

Ещё я теперь часто себя спрашиваю: «А что бы сказал Заратустра?» И воображаемый Зар, как правило, так отхаживает меня за глупость, что в сознании сразу всё проясняется: дурак дураком!

Проблем не существует, есть лишь наша неадекватность. Мы сердимся, сокрушаемся, боимся, чего-то ждём, требуем, утверждаем, а собственно говоря, чего ради? Совершенно на пустом месте!

Мы чахнем в топком болоте идеализма. Очень забавно, ведь кругом сплошной идеализм! Всё придумано, всё! В головах прямо-таки целые фабрики по производству глупости! И моя не исключение.

Мы постоянно что-то себе придумываем, мучаемся, стремимся чёрт знает к чему, опираемся на пустоты, проваливаемся и сетуем, как маразматические старухи. Только вот на кого?

О собственной роли в этом спектакле мы почему-то не думаем, будучи, однако, сценаристами, режиссёрами, примадоннами и зрителями – в одном лице. Какой же смысл сетовать?

Кто просил придумывать, когда все уже есть? Так можно только потерять, а выдумка, как бы она ни была хороша, никогда не заменит нам жизни. Хочешь – делай, а не хочешь, так зачем сокрушаешься?

Любовь выдумали. «Нет любви, есть контакт», – говорил Заратустра, а лучше, наверное, и не скажешь. Что такое любовь, если не мои «фантазии на тему»? Один думает, мучится, а другому и дела нет: вот и вся любовь.

Контакт симметричен. Поверхность контакта – одна на двоих, одинакова для обоих. И домысливать нет нужды, а что есть – то есть, этого не отнимешь! Малый контакт лучше большого идеализма, даже очень большого.

Близость – это и есть контакт, только полный, без обиняков и двусмысленности. Полнота контакта даёт мне ощущение собственной полноты, ощущение собственной целостности, ощущение меня Самого. Собою Самим становишься только благодаря Другому. Насколько же мы нужны друг другу! И как же отчаянно не понимаем мы этого, одевая Другого в прокрустово ложе своих притязаний! Ждёт нас судьба Прокруста, ждёт!

А контакт достоверен. Нет тут ничего иллюзорного, двусмысленного, вымышленного, здесь ложь невозможна. Достоверность – вот первый и главный обличитель идеализма!

Только контакт достоверен, только он – непосредственное проявление жизни, он и есть сама жизнь. Разве можно подвергнуть его оценке? Разве можно его понять, разъяснить? Вот где осознаешь, что оценка – лишь вымысел!

Когда я додумываю отношения, другой перестаёт быть Другим, он пропадает. Я тешусь своим вымыслом, словно соской-пустышкой, я оказываюсь в абсолютном одиночестве, которому нет ни оправдания, ни исхода.

Конечно, выдумать можно всё что угодно. Можно выдумать красочно, ярко, затейливо. Но такое древо плода не принесёт. Вне контакта ничего нет, пустоцвет – и есть пустоцвет.

А любовь виртуальна. И безумие, и скромность в любви смешны, обманчивы и нелепы.

Во всех этих изысках не много здравого смысла. Привнести в жизнь можно всё что угодно, только вот будет ли она от этого лучше?

Страх – это избегание. Страх самой сутью своей препятствует контакту, и даже малейший страх делает близость абсолютно невозможной. Но каждый из нас – порождение культуры страха, контакт для нас в лучшем случае сумма, но это не контакт.

Все мы странники, мы странники своих параллельных миров, пересекающихся, но не соприкасающихся никогда. Каждый в себе. Полное одиночество, отграниченное страхом и определяемое идеализмом, нам обеспечено. Мы высохли, источник высох.

Удивительно, что даже там, где наши миры пересекаются, не возникает контакта, точки пересечения наших миров – это не точки контакта, а точки бесконечных защит и бегства! Жизнь пущена по ветру идеализма в пространстве страха. Мы безумны, мы мертвы.

Где же теперь мой дорогой Странник, мой Заратустра? «Нет между нами границы, а лишь одно расстояние». Нет, мне не одиноко без него, мне даже неплохо без него, мне *пусто*, во мне дырка.

Иногда во мне то подобно внезапному выстрелу, то гигантскому взрыву просыпается ужас, я думаю, что он не вернётся никогда. Потом я беру себя за шиворот и, встряхнув как следует, говорю:

«Ты же не знаешь, как будет, чёрт тебя дери! Не знаешь, и не твоего ума дело! Зачем кликушествуешь? Кругом люди, они дороги тебе или нет? Живи и научись наконец смеяться, не испытывая страха!»

Бояться нужно не того, что он не вернётся (бог его знает, как будет), а того, что я могу бездною своих переживаний по этому поводу выстроить меж нами стену, границу, будь она неладна. Не думать, не ждать, не требовать, не надеяться надлежит человеку, но жить! Он так говорил.

Заратустра не придёт к мёртвому, он от него ушёл! И если я хочу увидеть Другого, я сам должен стать Другим, самим Собой, мне самому следует вытянуть себя за волосы из болота моего идеализма, из топей моих «депрессивных эпизодов», из ущелий страха. Для муравья и чашка с молоком – бездна!

Причём приводить себя в порядок нужно не для того, «чтобы он вернулся» (себя-то не обманешь!), а чтобы чувствовать себя человеком, чтобы быть эгоистом. Я должен понять, что всё это мне нужно! И хватит лить слёзы – смешно!

Надо смеяться... Смеяться.

О ПРИЗРАКЕ И ЗАГАДКЕ

Я стал замечать за собой странности. Нет-нет, да обознаюсь на улице: увижу высокого, широкоплечего человека, уверенно топающего по лужам, и у меня словно обрывается что-то внутри – «Зар!»

Но нет, всё тщетно. Нет со мной Заратустры, со мной только его вопросы:

«Жив ли ты ещё, друг мой?»;

«Пытаешься ли ты победить смерть или решил уже всё-таки жить?»;

«Знаешь ли ты теперь, что есть эгоист?»;

«Будешь ли ты другом Другому, оставаясь Другим и не терзаясь этим?»;

«Знаешь ли ты, друг мой, как отличить свет от отражения света?»;

«Что пугает тебя, друг мой, кроме страха твоего?»;

«Готов ли ты смотреть на Солнце без тёмных очков иллюзий своих?»;

«Готов ли ты, друг мой, танцевать с теми, кто не боится смерти?»;

«Готов ли ты, друг мой, идти на встречу ко мне?»

Нельзя над этими вопросами думать. Они не для мысли, они для действия – глупость остановят, а нужное, благодаря им, само родится. Главное – не надо глупости, не нужно суетиться.

Мы не сознаём своих действий. Мы делаем их осознано, но это осознанность внутри самого действия, а не в отношении этого действия. Изнутри всё хорошо, всё правильно, а со

стороны – глупость.

Нам кажется, что поступок наш осознан, логичен, правомерен, выверен, но это лишь потому, что у нас и прокуроры с судьями, и адвокаты с присяжными, и даже пострадавшие с обидчиками – все заодно.

Каждый из нас преследует свои интересы, но до начала преследования следует уяснить: является ли этот интерес подлинно нашим и хотим ли мы в действительности именно того, что заявляем в качестве собственного интереса.

Может ли месть, например, быть истинно нашим интересом? С усладой от торжества справедливости придёт и раскаяние в содеянном, цикл не завершился, он вышел на новый виток. Мстящий не думает о самом Себе, а потому подлинно своих интересов у него нет, но только интересы страхов да глупости.

Мы словно загипнотизированные неизменно удовлетворяем свой страх, но этот прожора ненасыщаем. Он с ловкостью меняет обличья: страх несправедливости быстро сменяется у нас страхом под личиной угрызений совести. Мы заботимся о своих страхах, но не о самих Себе.

В наших же интересах, чтобы было нам радостно. Но радость не рождается на руинах, радость – дитя созидания. Отрицая то, что приносит нам горе, мы не строим обитель для радости нашей. Разбушевавшийся пожар губит, невзирая на лица.

Радость – птица, её надо прикармливать, мы же отпугиваем радость свою гневом собственным. А прикормишь её, так она и сама поселится в твоём доме, но нельзя посадить её в клетку. В клетке не поют, в клетке умирают.

Достигая желаемого, мы радуемся. Но кто же будет радоваться, если другому плохо? В наших же интересах, чтобы другому хорошо было. Так что подлинный эгоизм – это альтруизм высшей пробы.

Мужество не в том, чтобы отстаивать собственные интересы (это воинствующие идеалисты так думают), и не в том оно, чтобы отказаться от собственных интересов (это смиренные идеалисты так думают).

Мужество в том, чтобы увидеть то, что ты действительно хочешь, не отрешаясь, пеня на судьбу и правовые нормы.

Зачастую наши интересы не только трудно разглядеть, но и стыдно признать. Мы боимся сами Себя – от этого все наши беды.

Но ведь признать – это не значит делать. Делать или нет – это каждый решает сам, это его ответственность и его жизнь. Признать – значит закончить войну.

Мы не доверяем самим Себе, мы ошибочно полагаем, что должны существовать некие высшие ценности, например, честь или что-то ещё в этом роде, то, что зовут «принципами». Мы их создаём, их и пестуем, но не самих Себя.

Не доверяя самим Себе, мы предаём мир, мы ведь и есть этот мир, проявляющийся через нас. Если бы мы действительно доверяли миру, то, верно, не стали бы искать несуществующего, но обрели бы наконец то, чем он полон.

Однако же мы продолжаем и продолжаем искать какие-то ценности, причём ценность свою они приобретают лишь благодаря нашим усилиям, что растрочены на все эти мытарства и поиски.

Мы не существуем сами по себе, ибо не отделены мы от мира, отдельно, а потому наши истинные интересы – это его интересы. Чего ж стыдиться эгоисту? Он созидает созидающееся, но не служит подобно рабу, ибо это он Сам.

Но мы ценим только иллюзию: искусственное кажется нам более искусным, нежели настоящее; трагедии и страдания кажутся нам более существенными, нежели простые радости – улыбающиеся глаза и поющие губы. Это ли не безумие?

Идеализм вынуждает человека отказаться от самого Себя. А «ничто» не может хотеть, потому человек становится тенью. Как же не бояться тому, кто не имеет желаний? Ненаступающий – отступает, отступающий – боится, результат очевиден.

Человек, хочешь ты любить – так люби, но что ж ты требуешь от Другого, чтобы он любил тебя? Ожидание твоё – это требование, а потому насилие – вот каково подлинное проявление твоей любви. Так ты представляешь себе любовь?

Впрочем, мне кажется, что любить важнее, чем быть любимым, от труда больше пользы,

чем от повинности. Однако действительна лишь взаимность, если же одна сторона перевешивает, она и утопит, как бы хороша ни была. Правило контакта никому не дано нарушать.

Человек требует к себе любви постороннего, так он отказывается любить, причём с блаженной миной «страдающего за веру». И вот я думаю: если хочешь пострадать ты за веру, что ж страдаешь ты, что страдаешь за веру?

Нужно понимать, чего ты хочешь (любить или страдать), а не пытаться хотеть за Другого (желать любви его или сострадания) – это идеализм, и ничего путного из него не выйдет.

Призраки загадывают нам загадки. А разгадывать тайны призраков – значит самому уподобиться призраку, ибо верящий в ничто сам становится *ничем*. В царстве теней даже свет играет дурную роль.

Мужество нужно лишь для того, чтобы убить смерть, и страх – это смерть, как я теперь понимаю. А чтобы жить, не нужно мужества, тут довольно и здравого смысла. Впрочем, может быть, его-то и следовало бы назвать мужеством?

Сегодня я снова гонялся за призраком Заратустры, но, кажется, решил загадку своей тени. А было так...

Целый день я дежурил по клинике. На группе мы без удержу хохотали, подтрунивая над нелепостью собственных проблем, реакций и взглядов. На индивидуальных сеансах, правда, было не до смеха.

Из новых больных я принял молодого человека, уверенного в своём абсолютном одиночестве, впрочем, для сироты эти чувства вполне закономерны, хотя и вряд ли оправданны.

Он уверен в своей скорой смерти и выказывает полное нежелание жить. Он отнекивается от жизни, как ребёнок, которому пришлось не по душе утренняя манная каша.

Он пытался суицидировать, но, к счастью, безрезультатно, после чего и оказался в стенах нашей клиники. Интересно, как можно хотеть того, сладость чего ты никогда не испытывал? (Я имею в виду смерть.)

Другой мой новый пациент, напротив, сам жить хочет, даже очень, но отчаянно отказывает в этом праве другим. Он их просто не ощущает – такая абсолютная нечувствость, они его раздражают, он ими раздражается.

Он работает фельдшером в следственном изоляторе, но, кажется, сам пребывает в некоем психологическом изоляторе. Люди потеряли для него качество жизненности, впрочем, на поверку – это только проекция.

Третий молодой человек, которого я взял сегодня на терапию, только что вернулся из армии, где стал свидетелем убийства двух своих сослуживцев «товарищами по оружию».

Теперь он срывается на крик, встречая малейшее сопротивление, и готов стереть в порошок любого, кто осмелится ему перечить. «Если ты сам не кричишь, то кричат на тебя», – говорит он. Кричат и убивают...

Его крик, его агрессия – это почти животный ужас. Это крик умирающего, ужаснувшегося собственной смерти. Его страшит не утрата жизни как таковой, но именно смерть. В этом мальчике кричит само человечество.

В сущности, трое этих юношей весьма похожи на каждого, нас, их страхи – это наши страхи. Если бы я обладал большим хладнокровием, то назвал бы этих мальчиков «гротескной пародией на идеалистов».

Идеализм, чувственность которого воспеваются его патриархами и апологетами, на поверку страдает полной невосприимчивостью. Идеалист безжизнен, и лишь оттого – мёртв, даже при отчаянных декларациях желания жить.

Так вот, дежурство моё подошло к концу, в девять часов вечера я передал документацию сменяющему меня доктору и отправился домой по тёмным улицам-линиям моего «блаженного острова».

Это повторённое за сегодняшней день множество раз нежелание жить подействовало на меня странным образом. Я вдруг тоже потерял желание жить, но только желание, а не саму жизнь.

Напротив, моё ощущение жизненности лишь усилилось:

Я вдыхал воздух с той жадностью, с которой, должно быть, вдыхает его узник, выпущенный на волю после многолетнего заточения в душной, пахнущей гнилью камере.

Я вглядывался в сумрак ночи широко открытыми глазами, с тем же восторгом, с каким делал бы это слепец, ставший прозревать, после виртуозно проделанной ему операции.

Я ощущал под собой землю, да так, словно бы ноги мои были бесчувственны прежде, а теперь ожили вдруг и пружинят, наслаждаясь каждым сделанным шагом, каждым соприкосновением с почвой.

И тут произошло нечто странное. До сих пор не могу понять, было ли это только видение или, может быть, явь. Вдалеке, в свете одинокого фонаря, я увидел удаляющегося Заратустру.

«Нет, нет! Не может быть! Обознался! Снова обознался!» – твердил я себе, но всё без толку, я уже спешил, какая-то неведомая сила толкала меня вперёд – догнать, остановить, обрести.

Я ускорил шаг, ещё и ещё, хотел окрикнуть. Однако, несмотря на мои усилия, призрак не становился ближе, напротив, с каждой секундой он от меня только удалялся, всё больше и больше.

Он свернул за угол, и я побежал, побежал, боясь совсем потерять его из виду. Дыхание моё сбивалось, но я, как ни старался, не мог совладать с внезапным приступом удушья.

Пробежав через двор в арку, а затем и через ещё одну улицу в другой двор, я снова заметил фигуру моего призрака.

«Вперёд! Вперёд! Скорее, скорее! Упустишь! Чего ты медлишь?! Быстрее!» – вопило теперь всё моё существо.

И я мчался, очертя голову, не замечая ни луж, ни поребриков, ни разбросанного тут и там мусора, спотыкаясь, падая. Я бежал.

Но вдруг целая свора злых, одичавших собак с неистовым воем высыпала мне навстречу. Они окружили меня, они лаяли пронзительно-дребезжавшими голосами, их зубы лязгали. Псы брызгали голодной слюной, прыгали на меня и толкали лапами.

Я оторопел, я испытал ужас, я замер. Но собаки лишь сильнее обезумели от моего замешательства. Они ощутили мой страх, они были в фаворе и теперь ни за что не желали униматься!

У меня совсем перехватило дыхание, что-то сдавило горло, я стал задыхаться. Мои ноги мгновенно ослабли, словно подкосились, а перед глазами мелькнуло чёрное, лоснящееся змеиное тело.

Чёрная змея, шипя, извиваясь и ерзая, как расторопный мародёр в разорённом войною городе, с каждым моим вздохом всё глубже и глубже проникала мне в глотку! Я схватил это мясистое и вёрткое существо двумя руками, рванул, пытаюсь выдернуть её изо рта, но тщетно.

И в этот момент я увидел, что призрак Заратустры остановился где-то вдалеке, под сводом кирпичной стены, едва освещаемый каким-то странным, искусственным неоновым светом.

Призрак остановился и теперь издали, отстранённо смотрел на меня, испуганного и парализованного, окружённого наглой сворой бесчинствующих псов, с огромной змеей, торчащей изо рта.

«Заратустра...» – прозвучало во мне, и вдруг неизъяснимая, пульсирующая радость, зародившаяся где-то внутри, в самой груди, сначала ничтожная, едва заметная, но с каждой секундой всё возрастающая, с силой разлилась по всему моему телу.

В какой-то момент стремительно, мощным потоком, словно огромной океанской волной, свет этой радости вытеснил мой страх, вдребезги разбил панцирь моего ужаса, и не стало страха.

«Выдохнуть, выдохнуть! Чтобы вдохнуть, нужно выдохнуть!» – мелькнуло у меня в голове. Задыхаясь и жадно желая вдохнуть, я всё-таки выдохнул, через силу. Хлынули слёзы...

Неистовствовавшие ещё секунду назад псы вдруг как последние трусы, поджав хвосты, бросились врассыпную, издавая жалостливые повизгивания, а змея злобно шикнула и тоже исчезла, скользнув чёрным, блестящим телом по мокрому асфальту.

Я вдохнул, словно первый раз в жизни, словно только что родившись. Я вдохнул и закричал:

– Зар! – кричал я, как может кричать только смех. – Зар!!!

Призрак шевельнулся и пропал... совсем.

О БЛАЖЕНСТВЕ ПРОТИВ ВОЛИ

Из круговерти суматошного сна меня вырвал звук проснувшегося в назначенный час магнитофона. Момент насильственного пробуждения застал врасплох моё беззаботно спящее сознание.

Какое-то время, испуганный самим фактом неожиданности, я суетливо отыскивал обрывок безвозвратно канувшего в небытие сна: «Что мне снилось? Кажется, что-то очень важное. Но что?»

После нескольких секунд безрезультатного поиска появилась мысль, которая прекратила вдруг возникшую душевную смуту: «Мне неинтересны мои сны – в них нет ничего, кроме меня самого, а я уже есть».

Внутренняя уверенность подняла меня на ноги: «Надо жить дальше, будущее наступает, а если прошедшее не оставить в покое, то можно пропустить грядущее. Грядущее наступает!»

Уже в давке метро утренний эпизод представился мне по-иному:

«Нелепо бояться потерять то, чем не обладаешь: ты просто не имеешь того, что боишься потерять. А если действительно боишься потерять, то, значит точно – не обладаешь: так стоит ли бояться потерять?»

Страх этот нелеп и абсурден, а потому, ибо он страх, он дважды бессмыслен. Мы не замечаем того, чем подлинно обладаем. Из-за ненасытности нашей смотрим мы вдаль, а потому видим лишь пустоту.

Мы не можем бояться потерять то, чем обладаем, ибо мы не знаем того, чем обладаем. *Попытки* обладания – вот признак слабости нашей, вот отчего говорит Заратустра: "Довольно!".

Не отступление, но обретение звучит в заветном: "Довольно!".

Обладаю ли я *своим*?

Обладаю ли я своей одеждой? Разве уличная грязь не обладает ею больше меня? Разве гвоздь, нарочито торчащий из стены и готовый порвать мою куртку, не обладает ею больше меня?

Куртка как куртка – лишь форма и брэнна, как всякая форма. Обладать формой – значит ввериться смерти. Но и содержание – лишь форма бытия. Обладать содержанием то же, что обладать формой, – это признание прав смерти.

Исходящее от меня перестаёт быть моим, я теряю в отношении исходящего статус обладателя. Скорее оно будет обладать мной, нежели я – им. Тот, кому адресовано моё, обладает моим много больше, чем я.

Обладаю ли я *Другим*?

Только образом Другого – *другим* обладаю я, но нет в другом ничего от Другого, а Другим я не могу обладать. Но другой – это моё, я же не обладаю своим, скорее уж моё обладает мною!

Нет ничего смешнее ревности, нет ничего смешнее попыток обладать желанием Другого. Желание обладать желанием Другого – вот, что снедает душу каждого, кто тешит себя надеждой быть любимым.

Когда же нам не удаётся подчинить себе желание Другого (а как это может удасться?), то мы обманываем себя, воображая реальность нереального. Крушение этого мифа – крушение Вавилонской башни!

Чем же я обладаю?...»

Тут цепь моих рассуждений судорожно оборвалась и стала нервно пульсировать, словно росток, бьющийся о кожуру семени.

Напряжение достигает своего предела, проснувшаяся река взламывает весенний лёд, секунда взрыва: «Я обладаю лишь крошечной точкой внутри себя, крошечной – самим Собой!»

«Обладать самим Собой – разве не обладать всем?» Испуг этого откровения, эта вспышка, яркая, как тысячи солнц, на мгновение ослепила меня. Я зажмурился, сжался, глаза, глаза заслезились.

И во тьме слепоты открылась мне бездна, исполненная человеческими страданиями: на мириадах пылающих алтарей стенали и корчились от невыносимой боли души людей – жертв своего ненасытного желания обладать.

Комочки слизи, распростёртые на огненных помостах, бессильно содрогались от пароксизмов сковавшей их судороги. Их безголосый рёв, подобный стону чудовищного камертона, пронзил всё моё существо.

От этого звука запредельной, невыносимой частоты у меня затрещали и, казалось, лопнули барабанные перепонки. Боль вытянула струной жилы, дрожь сотрясла тело. Я чудом удержался, чтобы не закричать.

Ослеплённый, но видящий, оглушённый, но слышащий, я уже не стоял, но, кажется, парил над этой кроваво-огненной бездной. Человеческие страдания – как они ничтожны! Они порождают сами себя, они собственные заложники, пленники, жертвы.

«В одиночку мне не справиться с этим демоном – моим желанием обладать, ибо через него утверждает себя жизнь моя, утверждает, чтобы погибнуть, сгореть в домне своего обладания!

Не нужна Жизни жизнь отдельная, Жизнь – охотница до золы жизни погибнувшей, и зола эта – пища для Жизни, а Жизнь есть нечто большее, чем жизнь».

Двери вагона с шумом открылись, и толпа вынесла меня на платформу, полную неясного, протяжного гула. Я шёл бессмысленно, не осознавая ни цели, ни побуждений, со всех сторон меня толкали снующие туда-сюда люди. Мир казался котлом, в котором варится обезличенная масса.

«Мне нужно ощущать Другого, ибо он – единственное ограничение моего желания обладания, – так говорило мне моё сознание. – Мне нужно ощущать Другого как то, чем нельзя обладать.

Мне нужно ощущать Другого, но не так, как делает это зверь, ощущая Другого как неизвестное. Мне необходимо ощущать Другого так, как могу я ощущать самого Себя».

На эскалаторе анфилада уходящих вверх светильников приковала мой бессмысленно подёргивающийся взгляд. Зрение теперь возвращалось, хотя и странным образом.

«Но как ощутить мне самого Себя, если для этого мне нужен Другой? А Другой неощущаем мною до тех пор, пока не ощущаю я самого Себя. Мы должны созидать друг друга, чтобы Жить.

Вот он, порочный круг, где Жизнь пожирает свою золу – мою жизнь, которой потому нет у меня. В одиночестве моём нет жизни, здесь сгорает она бессмысленно и бесследно.

Ко мне приходит Другой, чтобы вернуть меня к Жизни через преодоление смерти, что настигла меня в сумраке внутреннего говорения. И затем он уходит, он уходит от меня, чтобы я ощутил самого Себя.

"И когда вы откажетесь от меня, я приду к вам". Чтобы обрести Другого, должен я отказаться от своего обладания, должен я довериться. С Другим обретаю я Жизнь, которой отдаю я свою жизнь».

«Заратустра ушёл от меня, чтобы вернуть мне меня Самого и вернуться!» – так ошалевший, потерявшийся в своём забытьи, думал я на выходе из метро.

ПЕРЕД ВОСХОДОМ СОЛНЦА

Холодный утренний ветер приласкал моё онемевшее лицо. Перламутровое небо с тяжёлыми облаками открывалось над коробками зданий. Я вдыхал слегка морозный воздух, я вдыхал небо.

Во мне говорила радость, она говорила теперь: «Он вернётся!» Я чувствовал сердце, я согревался его биением. А ноги несли меня дворами, где прошлым вечером я видел призрак моего друга.

Наконец кончилась суматоха, охватившая меня в вагоне метро, я овладел собой и стал самым Собой для самой Жизни, я ощущал себя открытым. Козни одиночества пали, ибо мы одиноки только сами в себе.

На секунду я замер в том месте у кирпичной стены, где вчера казался мне призрак Заратустры. Неоновый фонарь был уже выключен, а утренний свет величественно вступал в свои дарующие права.

Старый двор был полон утренних звуков, ещё хорошо различимых в нарастающем общегородском шуме. Люди спешат на работу, а вечно голодные собаки рыщут вокруг мусорных баков.

На лавочках, словно на разбитом для привала биваке, сидят их завсегдатаи – бездомные, мечтающие об опохмелке алкаши и дворники, обслуживающие близлежащие подъезды.

Эти колоритные личности как всегда курят папиросы, сочно матерятся и смеются своими беззубыми ртами. Я люблю наблюдать украдкой эту странную жизнь, что так подкупает своей незатейливостью.

Всё как всегда.

Но что-то нарушает привычную картину, что-то не так. Может быть, это следствие вчерашних треволнений? Я встряхиваю голову, потянувшись, оправляю пальто, зажимаю глаза, снова открываю.

Станный человек, стоящий чуть поодаль, рослый, с длинными чёрными волосами, затянутыми в толстый пучок на затылке, в длинном ярко-рыжем фартуке и больших резиновых перчатках, поворачивается от мусорного бака, снимает с него ведро и, отвечая на реплику с «бивака», располагаясь смеётся. «Отдыхающие» отвечают ему тем же.

Я прижимаясь спиной к стене, сползаю вниз. На устах у меня то, что называется дурацкой улыбкой, абсолютно дурацкой. Нежно-голубое небо, весело подмигивает мне из петербургского колодца. Я плачу? Схожу с ума?

Он замечает меня, ставит ведро, отряхивает фартук, снимает перчатки, секунду стоит в нерешительности, бросает какую-то фразу своим собеседникам и направляется ко мне.

Заратустра.

– Привет! – говорит Зар, усаживаясь передо мной на корточки.

Я смотрю в его большие карие глаза, они полны плохо скрываемой радости. А я смотрю ему в глаза и молчу.

– Не молчи, – просит он.

Я улыбаюсь мокрыми глазами.

– Не молчи, пожалуйста, не молчи. Я скучал...

– И я...

– Молчи, – говорит Заратустра, спасая меня от досужей необходимости искать невесть куда запропастившиеся слова.

– Ну, и как это называется? – тоном шутивого назидания спрашиваю я после небольшой паузы.

– Работаю, – якобы недоумевая, отвечает Зар.

– Дворником?

– Дворником.

– И как?

– Хорошо.

– А письма?

– Не хотел, чтобы ты забывал, – потупившись, отвечает он.

– А Лондон?

– В Лондоне я не был, – честно признаётся Заратустра и смотрит на меня исподлобья наигранно-виноватым взором.

– Я тоже.

– Ну вот!

– Что «ну вот»? – я рассмеялся. – И всё время тут?

– Тут.

– А почему я не видел?

– Ты две недели был на больничном.

– А ещё две?

– Ты был слишком грустен...

- Логично.
- Пойдём к заливу, а то мы пропустим восход.
- Пойдём!

Зар помог мне подняться, снял фартук, отнёс его в подсобку и надел куртку. Мы вышли на Большой проспект, правда на этот раз очень большой, и направились к заливу.

Светало, мы шли медленно, молча. Я ощущал его рядом, я слушал его шаги, его дыхание. Он улыбался и смотрел себе под ноги. Он молчал. О чём он молчал? Обо мне, о себе?

О чём молчит до бесцветности голубое небо, раскинувшись ободом вдоль всего этого проспекта, словно бы уходящего в горизонт? О себе, о нас, обо мне? Как можно сказать, о чём молчишь?

Я думал:

«Мне кажется, что Зар изменился, только кажется. Если кто из нас двоих и переменялся – так это я, но от этого изменился и Зар. Какой же он на самом деле? Может быть, его нет?

Иногда он шаркает ногами, он делает это специально, с игривой неловкостью, он пританцовывает, но так; чтобы никого не смущать. Сейчас он и сам смущён, он смущён мою. Как я могу знать об этом? Его образ во мне абсолютно разрушен. Чем? Он мне лгал о своих путешествиях, но ведь он не хотел обмануть. Что такое ложь? Ложь – это когда я хочу обмануть или когда я обманываю?

Секундочку, когда же я не обманывал, если ни одно моё слово, ни одна моя мысль никогда не достигла другого не будучи изменённой (преломлённой, интерпретированной, расшифрованной) им в нём самом?

Не значит ли это, что я никогда не говорил того, что говорил? Формально мне лжёт даже это небо, ибо оно не имеет ни цвета, ни пространственности – всё это создано мною, моим мозгом, моими анализаторами.

Что же со мной происходило прошлым вечером? Собаки – ладно, но змея, змея-то явно мне привиделась? Я болен? Кто вчера смотрел на меня, стоя у кирпичной стены, Зар или его призрак?

Его образ во мне абсолютно разрушен. Заратустра кажется мне чужим, отдалившимся, неизвестным. Впрочем, нет. Сейчас он ближе ко мне, чем когда бы то ни было. Я ощущаю его живым, он Другой.

Странно, но я действительно не думаю о том, как мне себя с ним вести. Но всё-таки я сдерживаюсь, да, я сдерживаюсь. Мне хочется его беречь. Но разве могу я беречь Другого, не будучи самим Собой?

Его образ абсолютно разрушен... Аллилуйя, а ведь это то, что доктор прописал!».

В этот момент я остановился, повернулся и пристально посмотрел на Заратустру.

Высокий лоб, миндалевидные глаза под густыми чёрными ресницами, явственно проступающие скулы, почти квадратный подбородок, словно резные воскообразные губы нежно-розового цвета, убранные назад волосы, широкие плечи, одетые в тёмную куртку...

– Андрей, это я, – сказал он тихо, глядя мне прямо в глаза, мгновенно намокшими глазами. Но мне казалось, что он не шептал, а кричал мне.

– Не кричи, я знаю, – тихо и уверенно произнёс я в ответ.

Я открыл руки, и он обнял меня. Меня обнял этот большой человек, обнял, как маленький ребёнок, истосковавшийся, напуганный, любящий. Он плакал, уткнувшись в моё плечо, Заратустра плакал.

Я чувствовал тепло его рук, я смотрел на залив. Небо, раззолочённое просыпающимся солнцем, впускало в себя гордое светило, чтобы поблёкнуть в его великолепии.

Нет, небо не отказалось от себя для солнца, оно предоставило Себя – Ему, Оно ожило в этом предоставлении.

Конец второй части